

ИВАР
РАВИ

ПРОМЕТЕЙ
ИМПЕРАТОР

16+

Ивар Рави
Прометей: Император
Серия «Прометей», книга 7

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67853268

SelfPub; 2022

Аннотация

Максим Серов двадцатый год в каменном веке параллельной Вселенной: строительство Империи Русов идет полным ходом, когда появляется коварный враг. Сможет ли наш соотечественник, взявший на себя роль лидера Русов, противостоять врагу? Выпутается из хитроумных ловушек, или потеряет все, что нажито непосильным трудом? Его жизнь почти прожита, а сделать предстоит ещё очень много. Так появится или нет империя Русов в параллельной Вселенной?

Содержание

Глава 1. Кто есть кто	4
Глава 2. Наскальное творчество	17
Глава 3. Джульетта каменного века	30
Глава 4. Задолго до китайцев	43
Глава 5. Генуэзцы	55
Глава 6. Стечение обстоятельств	67
Глава 7. Операция «Мулен Руж»	80
Глава 8. Гуантанамо	94
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Ивар Рави

Прометей: Император

Глава 1. Кто есть кто

– Герман, меня не оставляет чувство, что за всем этим скрывается невидимый кукловод, дикари вели себя максимально любезно, такое поведение нетипично для каменного века.

– Да, – американец смачно сплюнул за борт «Стрелы», – я каждую минуту ожидал, что они уберут улыбки, и завяжется бой. Странно, что Санчо не почувствовал фальши.

– В мире Санчо нет лицемерия, он не знаком с таким пороком. Если есть реальная угроза – он ее чувствует, а подковерные интриги и двуличие не его конек.

– У нас есть гости, как только они немного научатся говорить на языке Русов, сможем получить больше информации.

После слов Тиландера я оглянулся на троих аборигенов изъявивших желание уплыть с нами. Этого поступка удалось добиться довольно легко, дикари с готовностью согласились. Гораздо труднее оказалось донести до них эту мысль.

Обследуя восточное побережье Франции, мы прошли на «Стреле» до земель Италии и неожиданно наткнулись на большое поселение дикарей, отличавшихся от виденных на-

ми ранее не только бронзовым цветом кожи. С виду – типичные кроманьонцы, с хорошо развитой мускулатурой и довольно богатым языком. Скорее всего, их предки пришли в Европу довольно давно, потому что цветом кожи они напоминали сильно загорелых метисов. Но большее удивление вызывали их поступки: увидев корабль, дикари на легких лодках поплыли нам навстречу, демонстрируя доброжелательность и приглашая в гости.

Будучи в полной боевой готовности, мы высадились на берег, где были встречены большим количеством народа с доброжелательными улыбками и радостными криками. Такое поведение не укладывалось в общепринятые рамки дикарей каменного века: предупредил Бера, чтобы все его воины оставались наготове. На берегу мы провели всего пару часов: высаживались по всем правилам военного времени, страхуя друг друга. Все время, что провели на берегу, никто не расслабился, держа оружие наготове.

Но неприятных сюрпризов не случилось – нас угощали жареным мясом и испеченными на плоских камнях лепешками из ячменя. Вот именно тогда мы и выпали в осадок, решив во что бы не стало сохранить с этим большим племенем дружественные отношения.

Единственное, что меня напрягало – отсутствие видимого вождя: в моих глазах на эту роль претендовали как минимум трое. Один из тех, кто брал на себя бремя лидера, звался Паб, он же, сейчас находился на борту шхуны с двумя со-

родичами.

Пока нас угощали хорошо прожаренным мясом и немного сыроватыми лепешками, в моей голове созрел план по установлению дружественных отношений с этим племенем. Племя, кстати, называло себя Урха, но топоним данного названия остался неясным для нас. Самое удивительное для меня — наличие у них луков и железных наконечников для стрел и копий. Попросив Паба рассмотреть наконечник его копья, убедился, что он сделан из низкосортного железа, а понятие закалка металла в племени отсутствует. Подойдя к валуну, под возмущенные крики аборигенов ударил копьем Паба в камень. Наконечник предсказуемо затупился, сплюснвшись от удара. Прежде чем возмущенные дикари воспримут такое действие как оскорбление, продемонстрировал разницу в обработке металла у нас и у дикарей. Копье Бера выбило в камне небольшую выбоину, но наконечник не пострадал. Восхищенные Урха обступили меня, как дети Деда Мороза, цокая языком.

– Хочешь научиться так? – обратился к Пабу, в чьих глазах явно читалось понимание процесса, – поплыли с нами, научим еще и многому другому. Слов моих дикарь не понял, но жестами показывая на юго-запад сумел донести до него мысль. Пока мы кушали, Паб пропал, снова в поле зрения появился примерно через час, ведя с собой двоих мужчин. По ожогам на руках обоих можно догадаться, что это местные кузнецы. Паб, показывая на мужчин и на себя, махнул

рукой на юг и перевел взгляд на меня. В его глазах застыл вопрос: «мужик, возьмешь нас троих с собой»?

– Возьму, – просто ответил я, и в глазах дикаря мелькнула радость. Иногда не нужно знать языка, чтобы по интонации понять суть разговора. Пробыв среди дикарей около пяти часов, решили отплывать: я не доверял Урха настолько, чтобы остаться ночевать в их поселении. Уже на корабле, Бер доложил, что поселение уходит и в лес и частично скрывается за скалистым кряжем. Он, следуя моему указанию, насчитал девяносто хижин, но часть осталась без учета, скрытая среди деревьев и за горой. Это второе крупное поселение после Ондона, что мне встретилось за двенадцать лет.

Я обратил внимание на еще одну особенность: многие женщины были вооружены не хуже мужчин и вели себя словно воины, трогая железные наконечники оружия Русов. Пришлось даже сказать Беру, чтобы не давал расслабиться воинам, разомлевшим от женского внимания. Русы немного оторопели, видя перед собой людей светлее себя, до сих пор с более светлым оттенком кожи встречались только неандертальцы.

– Бер, угости наших гостей сушёным мясом, что-то они совсем приуныли.

Начинало темнеть, и двое из троицы гостей вертели головами, пытаясь понять, почему мы до сих пор не пристали к берегу. Только Паб вел себя более спокойно. Этот Паб напоминал мне разбойника-мексиканца из вестернов: не хватало

кольта, сомбреро и пончо. Даже среди своих сородичей он выделялся более светлым оттенком кожи, и в его глазах светились спокойствие и понимание.

Пока Бер угощал дикарей мясом, я углубился в воспоминания, связанные с моими первыми шагами на этой планете.

Халатное пренебрежение инструкциями привело к тому, что мой напарник Михаил, старший по миссии, не сообщил о феномене мерцающего неба в ЦУП. Имея время, чтобы скорректировать курс, мы просто тупо влетели в мерцающую область космоса и остались без связи с Землей. После попыток объяснить отсутствие связи и изменившуюся карту планеты, пришли к выводу, что-либо находимся либо в прошлом, либо в далеком будущем, когда планета покинута людьми.

Ошибки следовали одна за другой: чтобы исправить повреждённый радиатор модуля, Михаил вышел в космос в легком скафандре, а не в установке для перемещения и маневрирования космонавта.

Оставшись после смерти Михаила один, я принял решение садиться на Землю, но в спешке набрал слишком много продуктов, позабыв о некоторых крайне важных инструментах и вещах. Я провел две зимы в месте своего приземления, где встретил первую жену – Нел. Но ресурсов было не так много, потому решил перебазироваться южнее и осел на территории Ливана в моей реальности. Племена Гара, Уна, Выдры и рыжеволосые Нига послужили основой для созда-

ния племени Русов. Плаж стал моим первым крупным поселением, численность которого превышала пять сотен людей.

Потом вследствие моей неосмотрительности полгода я провел в плену у племени неандертальцев, а лучший лучник Русов погиб, пытаясь меня защитить. Спасаясь из плена, я захватил с собой подростка-неандертальца, ставшего моим вторым приёмным сыном после Бера.

Мы освоили металлургию, ткацкий станок, кораблестроение. Обнаруженные в тростниковой лодке в Средиземном море юноша и девушка оказались наследниками священного престола Ондона, основанного больше ста лет назад англичанами, попавшими в эту Вселенную на паруснике «Аталанта». От ирландца из команды «Атланты» пошел род племени Нига, а моя вторая жена Миа была потомком этого строптивого ирландца, вынужденного спасаться бегством. Алолихеп, так звали наследницу престола Ондона, стала моей третьей женой, и мое племя обогатилось довольно развитым племенем Амонахес.

Но самая удивительная встреча ожидала меня на южном побережье Франции, где в старике племени Нака я встретил пропавшего в 1985 году советского физика-ядерщика Александра. Его история смахивала на паранойю: последнее что он помнил – кафе в Мадриде и блондинка-официантка. Человек советской закалки даже в зрелом возрасте сумел адаптироваться и возглавить племя.

Александров несмотря на свой возраст отличался цепким

умом. С его подачи я принял решение перенести столицу будущей империи Русов в устье реки Роны, недалеко от Марселя в моем старом мире. Ученый настаивал на укреплении институтов власти, углублении образования, и многое в этом направлении удалось сделать. Но за удачами всегда следуют неприятности: река Ямбе – Нил на языке Амонахес – изменила русло и практически смыла Ондон в море. Вопрос переселения, выживших стал насущным как никогда.

За пять последующих лет, все население Плажа и Ондона было переселено в Максель разросшийся по берегу реки и побережью Средиземного моря. Река, являясь естественной преградой, не давала немногочисленным дикарям попасть в Максель. Но сытая и размеренная жизнь явно не для меня. В одном из очередных плаваний мы наткнулись на крупное поселение довольно развитого племени Урха. Впервые я решил не вливать племя в Русов, а дать ему развиваться до нашего уровня поддерживая добрососедские отношения. С целью изучения языка Урха и обучения дикарей этого племени языку Русов взял с собой троих дикарей, ужинавших в данный момент на палубе «Стрелы». Но что-то не давало мне покоя, смутное подозрение, что Урха скрывают какую-то важную деталь, засело в моем подсознании. Дав себе обещание присмотреться к гостям получше, постарался выбросить из головы неприятные мысли. Если все пойдет, как я планирую, из «генуэзцев», как я мысленно окрестил Урха, может получиться дружественный народ со временем

сам решивший стать частью Русов.

* * *

Картер смотрел вслед уменьшавшемуся в размерах паруснику. Двадцать лет прошло с той злополучной операции, закончившейся так неудачно. Они потеряли объект в тумане у берегов Бермуд, забыв сделать ему инъекцию снотворного, а их самих забросили неизвестно куда. Впрочем, Картер не зря обладал аналитическим умом и входил в тройку лучших выпускников академии ФБР, откуда его переманило ЦРУ. Отсутствие самолетов в небе, тишина в радиоэфире, дикие и безлюдные берега Европы могли означать только одно: они оказались в прошлом, задолго до появления цивилизаций. Встреча с диким племенем, ранившим Пинчера, только подтвердила его догадку. После выздоровления раненого товарища они предприняли несколько попыток найти обитаемые места, уходя в плавание вдоль береговой линии до ста миль. Безрадостная картина: все встреченные племена были еще более дикими, чем те, с которыми они жили теперь.

Окончательное понимание, что живут во времена первобытных людей, далось Мендосе и Пинчеру нелегко. Оба не хотели мириться с тем, что больше не увидят благ цивилизации, а остаток жизни придется провести в этом месте.

Картер смирился с этим быстрее, понимая, что придется адаптироваться к новым условиям жизни. Он не стал примерять на себя роль вождя племени, решив оставить свою группу выше племенных отношений. До дикарей донесли мысль,

что прибывшие люди – небожители. Племя Урха быстро привыкло к тому, что с ними живут «сванга» (создавшие жизнь). «Сванга», в глазах дикарей, были волшебниками. Они умели по щелчку пальцев рождать огонь (зажигалка), у них был Страшный Шум, убивающий на большом расстоянии.

«Сванга» со временем научили их использовать новое оружие, теперь другие племена сами хотели жить рядом с Урха. Шли годы, «сванга» показывали новые чудесные вещи, в своем костре из глиняной печи они заставляли плавиться камни и делали из них наконечники для копий и стрел. Найдя растение, что сыпало на землю маленькие жесткие зерна, сванга научили сажать это растение и собирать эти зерна, перетерев их можно было получить белую пыль, из которой делалась вкусная еда.

Сванга построили для себя дом из камней, спрятав его за скалой. Формально, функции вождя выполнял сванга по имени Паб, остальных сванга они видели не так часто. Территория рядом с каменным домом была запретна. Для Урха наступили благодатные времена: они были сыты и сильны. Сванга научили ходить по воде используя кору дерева (индейская пирога), собранную так, что в ней могла сидеть одна рука людей. Кроме того, именно сванга показали, как делать орудия для лова «шенк» (рыба, морские обитатели), обитавшей в ВОДЕ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ПИТЬ.

«Сванга» ввели правило: любая женщина «впервые про-

лившая кровь на землю» должна получить благословение «сванга». Молодые женщины проводили в каменном доме «сванга» до одной руки дней. Большинство возвращались обратно, и взять их в спутницы могли только лучшие воины. Но некоторые оставались в доме «сванга». Были и такие женщины, что не получали благословения «сванга». Таких женщин в «свой очаг» мог взять только слабый воин или калека.

Урха благодарили Духов, что послали им «сванга»: их жизнь сильно изменилась, и к ним тянулись остальные племена, но однажды, увидев в ВОДЕ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ПИТЬ, чудовище с белыми крыльями, Урха испугались. Паб долго объяснял им, что нужно улыбаться и делать вид, будто они очень рады прибывшим на чудовище. Урха не понимали зачем это, но согласились со «сванга» и очень старались понравиться прибывшим людям. Но прибывшие уплыли, забрав с собой Паба и еще двоих воинов. Паб сказал, что вернется много Зан (Лун) спустя. А до этого им следует жить, как жили раньше.

Картер бросил последний взгляд в море: корпус корабля уже не виден, но паруса еще пятном выделены на фоне темнеющего неба. Их замысел с Мендоса был прост, слушать и вникать, пытаясь понять, что за люди приплыли на паруснике. Црушник сразу понял, что пистолет за поясом одного из белых явно из того же времени, что и сами американцы. Мендоса был практически неотличим от аборигенов Урха, и именно ему предстояло выяснить с кем их свела судьба.

Когда Мендоса внезапно возник перед ним улыбаясь, словно блаженный, Картер не сразу поверил, какая им подвалила удача. Прибывшие сами приглашали с собой несколько человек определенно собираясь наладить отношения. Со своего места наблюдавший за гостями сотрудник ЦРУ видел, сколь серьезно вооружены прибывшие. При этом в их действиях не наблюдалось никакой агрессии, словно речь шла не о каменном веке, где каждый чужак – враг. Картер не знал, с какой стороны подступиться к прибывшим, долетавшую до него речь он не знал, хотя ему казалось, что он слышал такие интонации у Майка Покровски, аналитика из научно-технического директората, чьи родители эмигрировали в США из Польши, не желая жить под коммунистами. А тут такая удача, прибывшие сами давали им ключ от двери, да еще и заботливо эту дверь приоткрывали.

– Поедешь ты, Пабло, возьми с собой Гуна и Река, пусть постараются максимально изучить кузнечное дело. Думаю, что в этом направлении они куда дальше продвинулись, нежели мы.

– Сталь у них классная, – подтвердил Мендоса.

– Твоя задача, – пропустив реплику мимо ушей, продолжил Картер, – собрать максимум сведений о численности этих людей, узнать кто они и откуда. Выявить слабые места в их племени, разузнать, кто главный, какова структура племени и найти слабые звенья. Будет идеально, если сможешь выявить недовольных, чтобы мы могли перетянуть их на свою

сторону. Но, в первую очередь, ты не должен рисковать, твоя жизнь важнее любой информации о враге.

– Джон, ты считаешь, они враги?

– Любой – враг, пока не доказано обратное. Не выдай себя жестом или словом, помни, что они могут наблюдать за вами. Когда выучишь язык, тебя будут спрашивать о нас, о племени. Мы просто племя Урха, меня вообще нет. Им не следует знать, что я существую, не нужно знать про огнестрельное оружие. Мы – типичные дикари едва овладевшие примитивными технологиями. Веди себя как дикарь, «пугайся» всего неизвестного, падай на колени, если услышишь выстрел, всячески показывай огромную дистанцию между собой и новыми «сванга».

– Да, Джон, не переживай. Я справлюсь, не под таким прикрытием приходилось находиться, даже наркокартели не могли вычислить, – самодовольно улыбнулся Мендоса.

– Хорошо, теперь иди, как выучишь язык и узнаешь все необходимое, уговори их посетить нас еще раз. Потом, как ты приедешь, мы все обмозгуем и решим, кто есть кто в этом мире, и кем мы станем, врагами или друзьями.

Картер вошел в дом: испуганными тенями метнулись по углам многочисленные жены и наложницы. Придется провести несколько месяцев, прежде чем вернется Мендоса с информацией, если, конечно, вернется. Этот белый с пистолетом за поясом явно не дурак: в бинокль Картер видел, как мужчина пытается сканировать местность. Второй белый яв-

но был попроще, хотя и выглядел угрюмым.

– Посмотрим, кто есть кто и кто кого, – вслух проговорил Картер, и, переходя на язык Урха, отдал указание самой молоденькой жене:

– Иха, согрей мое ложе, сегодня на тебя смотрят Духи с небес!

Глава 2. Наскальное творчество

Ночь опустилась, едва мы отплыли от поселения Урха порядка сорока километров. Так как спешить нам некуда, согласился с Тиландером, что лучше встать на якорь, чем плыть ночью. Убрав паруса, «Стрела» еще пару минут двигалась по инерции, но сброшенный якорь намертво зафиксировал шхуну. Трое Урха с некоторой боязнью и беспокойством смотрели за борт корабля, не понимая, почему мы не пристаем к берегу. Команда «Стрелы» занималась рутинными делами, готовясь к отдыху: сворачивала канаты, надежно крепила спущенные паруса, убирала лишний такелаж, мешавший ходить. С наступлением темноты на корабле зажги самодельные керосиновые фонари, вызвавшие невероятное любопытство у наших гостей. Гун и Рек даже подскочили с места, вцепившись в борта шхуны, Паб вел себя немного более сдержано, но и у него был испуганный и заинтересованный вид. Мои попытки успокоить дикарей помогли лишь благодаря мягкой интонации, они все равно отодвинулись в сторону, частично скрываясь в спасительной темноте. Пока дикари немного не освоят язык, коммуникация с ними будет затруднена.

Санчо громко рычал, разрывая куски сушеного мяса: принимать пищу он был готов в любое время. Я пару раз предпринимал попытки ограничить его аппетит: неандерталец

становился похожим на бочку. Хотя ему еще не исполнилось тридцати, выглядел Санчо моим ровесником. Если так пойдет дальше, уже через несколько лет он не сможет сражаться или бегать, превратившись в огромную гору жира и мышц. Начну бегать, и его заставлю меня сопровождать, как только вернемся в Максель.

Бер, в отличие от Санчо, оставался стройным и худощавым, без капли лишнего жира и выглядел при этом совсем молодым, хотя приблизительно был ровесником неандертальца. Правда Бер сильно уступал Санчо по количеству детей, являясь отцом всего двоих мальчиков. Санчо официально имел десять отпрысков, а сколько еще полукровок родили местные женщины, не знал никто.

Необходимость учета рождений и смертности привела к тому, что функцию ЗАГСа пришлось возложить на священнослужителей, по типу церковного учета средневековья. Вначале Русы не могли понять, почему они должны показывать новорожденного священнослужителю из музгара, да еще и сообщать имя ребенка. Имена детям зачастую могли дать спустя несколько месяцев, следуя своим племенным традициям. И тем более странной Русам казалась необходимость вызывать священнослужителя к усопшему, чтобы смерть засвидетельствовал представитель музгара. Со временем в самом Макселе это стало нормой, но в островных колониях учет не велся. Эту проблему я собирался решать, прикрепив к каждой колонии по одному священнослужите-

лю. Помимо ведения учета смертей и рождений, им предстояло читать проповеди, чтобы слово Главного Духа-Бога слышало каждое ухо народа.

Едва на востоке стало светать, как на «Стреле» началась беготня: поднимали якорь, ставили паруса. На второй день путешествия Урха уже владели десятком слов и вели себе смелее, расхаживая по палубе. Вчера мы упустили, что дикари не умеют пользоваться корабельным «сортиром», утром пришлось заставить их же самих отмывать испачканную палубу. Но урок пошел впрок, в обед видел, как Паб довольно ловко пристроился в подвесном сортире, справляя нужду.

Увидев вдали бухту, где мы ночевали несколько дней назад, дал указание Тиландеру пристать у правого берега, не входя глубоко в бухту. Мне хотелось незаметно подойти к селению, что в прошлый раз дикари бросили, едва завидев корабль.

Все три Урха заволновались, увидев, что мы направляемся к берегу. Паб, подскочив ко мне дернул за руку, привлекая внимание:

– Бид, бид, – лопотал он, показывая рукой на берег. Что хотел сказать этими слова не знаю, но у меня сложилось впечатление, будто дикарь меня предупреждает об опасности.

– Все нормально, бояться не надо. Это просто разведка, успокойся парень, – мои слова возымели действие, дикарь слегка успокоился, отпуская мою руку.

Бросив якорь в ста метрах от берега, Тиландер дал коман-

ду спускать шлюпки. Всего на берег не считая меня, Санчо и Бера отправились двадцать человек. Берег в этом месте был каменистый, весь в крупных камнях и колючих кустарниках, почти вплотную подступавших к воде.

– Бер, возьми десять воинов и заходи с левой стороны, я с остальными пойду справа. Если встретим дикарей, не убивать, желательно установить мирный контакт.

Мотнув головой, Бер отобрал десятку воинов и осторожно двинулся вдоль берега влево, отыскивая проход между колючими кустарниками. Я и Санчо с оставшимися воинами двинулись вправо и найдя чистое место, направились в сторону леса, что располагался в нескольких десятках метров. Лес был дремучий, вековой: густые кроны деревьев не пропускали лучей садящегося солнца, создавая театр полумрака. Пройдя метров триста по лесу, мы наткнулись на скалу, что тянулась с юга на север образуя преграду на нашем пути. Чтобы не отдаляться от отряда Бера, двинулся на юг в левую сторону. Пройдя метров двести, мы оказались перед черным жерлом пещеры, расположенным практически на уровне земли.

– Сделайте факелы, – двое воинов по моему указанию спешно занялись факелами. Санчо высек огонь вытащив кремень и трут из своей необъятной набедренной шкуры с множеством складок. Сырые ветки плохо горели, но свет все же давали.

– Санчо, Га? (чувствуешь опасность).

– А-а (Нет, опасностей нет), – неандерталец, немного пригнувшись первым шагнул в проем пещеры. Следуя за ним, я старался поднять факел повыше, но низкий свод пещеры не давал этого сделать. Пройдя пять метров, мы попали в «комнату», расширяющуюся в обе стороны. Свод пещеры пропал, угадываясь по отблеску огня где-то на высоте семи метров.

Пещера раньше была обитаема: на глаза стали попадаться человеческие и животные кости, обрывки шкур. Толстый слой пепла у дальней стены говорил, что здесь жили долго. Прямо над кострищем сверху просачивался свет: видимо именно поэтому костер жгли в этом месте, чтобы дым уходил вверх.

Пещера имела две комнаты, после стены с костром шла небольшая перемычка-туннель метра три в длину, за которым располагалась вторая «комната» чуть меньше размером. И в этой пещере ощущался приток воздуха. Пламя колебалось и дрожало, грозя погаснуть. Пещера как пещера, таких по миру, наверно, миллионы разбросаны. Уже собираясь назад, боковым зрением увидел какие-то рисунки на стене. Подойдя ближе, поднял факел и обомлел: на довольно гладкой стене была изображена летопись первобытных людей: фигуры животных, людей. Но, самое главное, нарисована целостная художественная сцена, изображавшая бой между двумя племенами.

Пять коренастых и широких фигур окружали фигурки тоньше и значительно выше. По несколько фигурок валялись

в ногах, видимо, они изображали погибших воинов. Кто бы ни был художником, ему удалось передать основную мысль: битву двух разных племен. Возникло желание задержаться и осмотреться внимательно, но факелы грозили потухнуть, да и Бер начнет бить тревогу, переживая за задержку.

Часть моего факела прогорела, и крупная ветка упала к ногам, осветив пол, где что-то тускло отразило свет огонька. Нагнувшись, увидел крупный кусок угля, видимо того самого, чем рисовал первобытный художник.

– Пошли на выход, – скомандовал отряду и, уже двинувшись, остановился словно оглушенный: «уголь был не древесный». Метнувшись обратно, подхватил найденный «инструмент» художника, чтобы рассмотреть его внимательно на свету. Факел Санчо еще горел, а мой погас уже у самого выхода. Солнце практически село, но даже полумрака леса хватило, чтобы рассмотреть кусок угля в моих руках. Иссиня-черный кусок угля был несомненно каменным, имевшим слоистую структуру.

Уголь, каменный уголь, да еще и высочайшего качества, если мне не изменяет память. Мои познания о каменном угле были весьма скромны, но некоторые выдержки из книги «Цусима» я помнил. Помнил, как сетовали кочегары на качество угля, проклиная интендантов, что закупали бурый уголь вместо черного. Проблемы императорской России меня сейчас мало волновали, интересовал всего один вопрос: «как именно уголь попал в пещеру»? Маловероятно, что

первобытный художник скитался с ним по всему свету. Когда племя в походе, каждый килограмм нагрузки имеет значение. Именно поэтому мы часто находили брошенные старые шкуры и сломанное оружие. Нет смысла это таскать с собой, когда на новом месте можно добыть животное или сделать новое оружие.

Значит уголь, скорее всего, найден где-то недалеко. Зная первобытную жизнь, можно примерно очертить радиус поисков. Если племя находится не в походе, а на стоянке, охотники должны успевать вернуться к стойбищу до захода солнца. Это необходимость продиктована ночной охотой хищников и верованиями в злых Духов. Вне зависимости от того, кто раньше жил в пещере неандертальцы или кроманьонцы, радиус дневной охоты вряд ли превышает двадцать километров. А если реалистичнее, то, скорее всего, основной радиус охоты составляет от пяти до десяти километров.

Если добыча становилась пугливой, и приходилось уходить на большие расстояния, дикари просто меняли место стоянки, пока не выбьют всю ресурсную базу вокруг себя. И так повторялось много раз: они скитались по определенному ареалу, повторно возвращаясь на прежние места охоты.

От размышлений меня отвлек шум: впереди слышались крики и треск ветвей. Буквально в двадцати метрах от нас проскочило несколько человеческих фигур, судя по реакции Санчо, женских. Я запретил преследование: уже практически опустилась ночь, и рисковать ночью в незнакомой мест-

ности было глупо. Снова послышался треск ветвей, и Бер выскочил из кустов, ведя на веревке отчаянно сопротивляющуюся девушку.

– Макс Са, они дикие, сразу бегут, – оправдываясь проговорил мой приемный сын.

– Все на месте, пошли на корабль, утром снова вернемся, нам придется задержаться в этом месте.

Не говоря ни слова оба отряда поспешили в сторону моря. Дикарка отчаянно упиралась, шипя как рассерженная кошка. Факелы мы не зажигали, стараясь быстрее дойти до воды, а в темноте разглядеть девушку не удавалось. Вышли к берегу морю уже в темноте, если бы не луна, лодки пришлось бы искать долго. Мысленно попенял себе, что оставил лодки без охраны, это оплошность больше не повторю.

«Стрела» зажгла кормовой и носовой фонари, выделяясь на черной воде двумя яркими пятнами. Дикарка, увидев огни на воде, с ужасом закричала: из глубины леса ей ответил такой тоскливый крик, что у меня защемило сердце.

– Бер, зажги огонь, – приказал я командиру спецназа. Наспех собрав подобие факела, тот высек искры кремнием и подпалил пучок сухих ветвей в руке.

– Подними факел повыше, – повинуюсь указанию, Бер поднял руку с горящими ветвями, осветив лицо захваченной дикарки. Было в ней что-то похожее на Нел, когда я ее впервые встретил, только отличались глаза, в которых плескался неприкрытый ужас. Девушка зажмурилась от огня факела,

попыталась вырваться, и убедившись, что ей не освободиться, снова закричала. В этот раз ее крик звучал так тоскливо, что даже воины, сталкивающие шлюпки в воду, замерли. Этим криком она прощалась со своими, что ответили ей таким же протяжным и тоскливым криком из лесной чащи.

Совсем юная, примерно шестнадцати лет от роду, она была отлично сложена, густые волосы, доходящие до бедер перехвачены куском веревки, вырезанной из шкуры. И, как ни странно, от девушки шел приятный аромат мяты.

Почти неосознанно вытащил нож из ножен: наши взгляды встретились. В ее черных глазах сейчас было спокойствие: она окинула голову назад, подставляя шею под нож. Замешкавшись на секунду, я перерезал веревки стянувшие ее руки: несчастная вздрогнула от прикосновения стали к коже руки и недоуменно захлопала глазами, глядя на освобожденные руки.

– Уходи, иди домой, – дикарка вздрогнула от моего голоса и отступила на шаг, оглядывая нас.

– Иди, тебя там ждут, – показал рукой в сторону леса. Девушка оглянулась на темнеющий лес и снова повернулась ко мне:

– Лиа мава те, – певуче проговорила она и внезапно, словно лань, кинулась в сторону леса.

– Садимся в шлюпки, – скомандовал своим, усаживаясь на носу лодки.

Со стороны леса снова донесся крик, кричала девушка, в

этом нет сомнений. Теперь в крике звучала радость, торжество и немного тоски.

– Она благодарит тебя, – Бер уселся рядом и скомандовал:

– Весла на воду.

– Она просто радуется свободе, – возразил я сыну.

– Нет, к своим она могла попасть и без криков, их поселение совсем близко. Она крикнула, уже находясь в лесу, привлекая внимание хищников. Крикнула, чтобы сказать, что будет ждать тебя.

– Бер, тебе нужно писать эротические книжки, – смеясь возразил сыну.

– Макс Са, дай ей понять, что ты услышал, иначе она крикнет еще раз, подвергая себя риску.

– Бер, ты говоришь глупости, она совсем еще ребенок... – мои слова перебил крик девушки, тоску, прозвучавшую в голосе, на этот раз я различил очень хорошо.

– Я говорил тебе, – в темноте сверкнули зубы Бера, – дай ей понять, что ты ее услышал.

Даже не осознав до конца, почему я это делаю, зарядил в ТП-82 осветительный патрон и выстрелил вверх по направлению к лесу. Зажигательный снаряд на целых десять секунд осветил небо над берегом моря и частью леса, а затем погас, сверкнув напоследок зеленоватым светом.

– Макс, все в порядке? – донесся с корабля голос Тиландера.

– Все нормально, Герман, салют местным аборигенам, –

поспешил успокоить американца, подплывая к «Стреле». Взобравшись на корабль, мысленно обругал себя, что поддался уговорам Бера и потратил осветительный патрон. Кинув взгляд в сторону леса, оторопел: где-то с минуту мерцал огонек костра или факела, погасший, прежде чем я успел понять, что это, случайность или ответный сигнал.

На корабле царил небольшой переполох: гости из племени Урха забились в угол на носу корабля, не реагируя на слова матросов, успокаивавших их. Яркая вспышка, осветившая все небо, как и сам звук выстрела перепугали их не на шутку. Лишь увидев меня дикари немного успокоились, а спустя полчаса с аппетитом уплетали паек, выданный им корабельными коком.

– Что там случилось, Макс? – Тиландер излучал неприкрытое любопытство. Мы сидели у кормового фонаря и ужинали, пользуясь освещенным пространством. Часто, оставаясь вдвоем, мы говорили по-английски, чтобы члены команды не понимали разговор.

– Бер поймал девушку-дикарку, молодую, красивую, – уточнил я после заминки. Мне стало ее жаль, и я ее отпустил.

– Зачем? Пригодилась бы нашим воинам. У нас столько неженатых, – Американец вгрызся в кусок мяса, напоминая кота, поймавшего воробья.

– Понимаешь, Герман, она кричала, словно прощалась с жизнью, и взгляд у неё был такой...

– Какой? – Тиландер наконец разжевал кусок и проглотил

его, смешно дернув кадыком.

– Взгляд, который говорил «я в неволе не размножаюсь, я дикая кошка».

Тиландер застыл с куском мяса, поднесенным ко рту:

– Макс, с тобой все в порядке? Может, ты влюбился? Никогда от тебя не слышал таких романтических высказываний. Неужели русская душа не в состоянии пройти мимо красивой девушки, даже если она дикарка?

– Герман, не глупи. Какая любовь, я ее видел всего пару минут, – возразил собеседнику, краем глаза заметив движение.

– С первого взгляда, – смеясь парировал Тиландер и также замолчал: в паре метров от нас стоял дикарь из Урха по имени Паб, явно собирающийся в туалет. Для этого ему требовалось пройти мимо нас, видимо, дикарь не решался этого сделать.

– Пропусти его, Герман, и пойдем спать, с утра снова на берег, – я перешел на русский язык. Английский для моего личного общения с друзьями, все остальные должны слышать и говорить только на языке Русов. Дикарь прошмыгнул в сторону подвесного сортира, а я отправился спать в свою каюту. Заснуть сразу не удалось: образ дикарки вставал перед глазами, а в голове слышался ее крик после освобождения. Прозвучала ли в том крике благодарность, или Бер просто натянул факты, выдавая желаемое за действительное? Но одно оставалось несомненным: за долгое время, это была

первая девушка, лишившая меня сна и покоя. Пусть это и всего на одну ночь.

Глава 3. Джульетта каменного века

Утром наваждение, вызванное вчерашней пленной дикаркой, улетучилось. После бессонной ночи, когда заснул лишь под утро, по-другому стал видеть вчерашние события: ну поймали молодую кроманьонку, симпатичную и с длинными волосами, от которых пахло мятой. И что с того? Разве время замедлило свой бег? Или мои представления и мои задачи в этом мире изменились? Нет, все оставалось прежним: необходимо найти каменный уголь.

Найденный в пещере кусок угля поблескивал черным цветом. Едва дождавшись, пока воины позавтракают, решил высаживаться на берег. В этот раз высаживались более крупными силами, оставив на корабле всего пятерку воинов. Трех дикарей Урха решил взять с собой, может, им встречался уголь. Паб, Гун и Рек уселись в шлюпку с радостью, нахождение на корабле их явно утомило. Вытащив из своего рюкзака кусок найденного угля, продемонстрировал дикарям:

– Вы такое видели?

Как я и предполагал, оба дикаря с ожогами на руках углем явно заинтересовались. Они перебросились парой фраз и махнули рукой в сторону своего поселения, Рек показал три пальца и этими же пальцами изобразил ходьбу по плану шлюпки.

– Три дня пути от вашего поселения? – Не знаю каким

образом, но оба дикаря-кузнеца меня поняли. Оба усиленно закивали головами и снова показали три пальца. Я уловил недовольный взгляд Паба, брошенный на сородичей, но дикарь улыбнулся, едва я посмотрел на него, и тоже показал три пальца.

Шлюпки пристали к берегу и отправились назад за остальными воинами. Пока ожидали их высадки, я устроил импровизированное совещание с Бером и Тиландером. Санчо тоже присутствовал, молча возвышаясь над нами, чертившими на песке диспозицию.

– Вот здесь пещера, южнее пещеры, примерно в пятистах-семистах метрах, находится небольшое поселение дикарей. Вчера, уйдя влево и южнее, Бер, ты наткнулся на дикарей из поселения. Сегодня, думаю, их там уже нет, после вчерашнего они уберутся подальше от нас, пока корабль не покинет бухту. Тем не менее, твой отряд, Бер, снова пойдет южнее и влево, чтобы проверить поселение. Меня интересует, нет ли у них угля в хижинах, может, и среди них есть доморощенные художники. Если найдем хотя бы кусок угля в поселении, твоей задачей станет захват парочки жителей, желательно мужчин, с ними меньше мороки. – Я остановился, ожидая вопросов.

– Я все понял, Макс Са, – Бер был лаконичен.

– Теперь ты, Герман, твоя задача взять максимально севернее и углубиться в лес примерно через пять километров, чтобы потом свернуть налево и идти к той горной верши-

не, – показал на участок горного кряжа, высившийся в глубине леса на расстоянии пары километров от береговой линии. – Это, – продолжил объяснение, не дождавшись вопросов, – часть той горной стены, на которую мы наткнулись вчера вечером. Ты возьмешь с собой двоих дикарей, Река и Гуна, насколько я понял, они знакомы с каменным углем, станут тебе помощниками в поиске. Придя к точке у подножия скал, ты двинешься мне навстречу, обследуя все по мере продвижения.

Я, со своей стороны, еще раз обследую пещеру и двинусь в западном направлении, преодолев стену, тебе навстречу. Бер, закончив обследовать поселение дикарей, двинется в северо-западном направлении до горного кряжа. И уже оттуда тоже пойдет мне навстречу, двигаясь по второй стороне кряжа с южной его стороны. Таким образом, – подытожил я, – мы сразу охватим три стороны этой невысокой горной гряды, что идет через лес. Вопросы есть?

– Где наша точка встречи? – американец оставался верен себе, пытаясь получить полные инструкции.

– Как таковой точки встречи нет, если не найдем уголь, ты и Бер до темноты должны выйти на побережье. Я углублюсь насколько возможно по моему направлению, и тоже вернусь на побережье, если не найду уголь. Если кто-то из нас наткнется на возможное месторождение угля, то пошлет по двое человек к другим отрядам, чтобы привести остальных на место находки.

На минуту воцарилось молчание, прерванное Тиландером:

– А как же дикари? Если они нападут или просто встретятся по пути, каковы наши действия?

– Напасть они не рискнут, в каждом нашем отряде по двадцать человек, а у них мужчин не более пяти. Думаю, они далеко отсюда, и уж точно постараются не пересекаться с нами. Но если все же встретятся, дайте им уйти, хватит с нас крови. Зачем убивать это маленькое племя, если оно не представляет угрозы?

К берегу подошли шлюпки, и теперь все три отряда собрались в полном составе.

– Паб, ты идешь со мной, – подозвал жестом дикаря, показывая, чтобы держался рядом. Тот метнул немного встревоженный взгляд на сородичей, которым Тиландер жестами показывал, что они должны идти с ним. Перекинувшись парой слов, Урха потерлись носами и разошлись каждый к своему отряду.

Вступив под лесной покров, удивился прохладе, что царила здесь. Ощущения очень похожи на вход в здание с кондиционером при палящем на улице солнце. Санчо шел рядом со мной, пропустив вперед авангард из трех воинов, сопровождавших меня вчера. Факелы приготовили заранее, не хотелось зависеть от веток, что быстро прогорают и дают мало света.

До пещеры добрались быстро, не встретив никого по пу-

ти. Дважды дорогу перебежали зайцы совсем не похожие на упитанных и смелых сородичей, встреченных нами на Гибралтаре. Подойдя к пещере, дал отмашку, и трое воинов с факелами полезли в пещеру. В последнее время стал немного осторожничать: ночью в пещеру мог забраться зверь, и не хотелось попасть под его когти и клыки. Минуту спустя разведчики показали в проеме со словами, что в пещере пусто.

На этот раз факелов было четыре, и горели они довольно ярко. В пещере вероятно обитали неандертальцы, потому что практически сразу обнаружился сломанный бивень мамонта и каменный топор с полуистлевшей рукоятью. Топор был просто огромен, сомневаюсь, что кроманьонцу было бы сподручно им работать. А вот для неандертальца подобный инструмент в самый раз, именно такие большие топоры мне встречались у этой расы. Несколько полуистлевших шкур, масса костей разных животных, часть из которых раздроблена. Следы от костров в двух местах, второй костер, вероятно, был вспомогательный для холодного времени года или для женщин.

Меня больше интересовала наскальная живопись: рисунков много. Кроме вышеупомянутого сражения двух племен обнаружались рисунки, изображавшие оленя, буйвола и мамонтов. Мамонтам было посвящено два рисунка: на одном изображено трое животных. На втором, вокруг фигуры мамонта изображены человеческие фигурки с копьями в руках.

Данная экспозиция показывала охоту на мамонта, именно такое восприятие возникло у меня, глядя на полустертые рисунки. Неизвестный художник каменного века оставил свою подпись: ниже и чуть правее рисунков, нашелся отпечаток огромной ладони с короткими пальцами. Цвет мне показался странным. Поднеся факел ближе, предположил, что отпечаток оставлен кровью.

Больше ничего интересного в пещере нет, и пора выбираться, чтобы продолжить поиски угля. Попытка найти еще кусок угля не увенчалась успехом.

– Выходим, – по моей команде воин с факелом двинулся в путь, освещая дорогу. Переговаривавшиеся вполголоса Русы притихли, мы входили в лес, где следовало соблюдать тишину и осторожность. Паб, видимо, впервые видел наскальные рисунки, потому что пялился на них, как добрый христианин на Благодатный огонь.

Выйдя из пещеры, осмотрелся: еле заметная тропа шла вверх скальной стены, петляя между корнями вековых деревьев. Нужно подниматься в этом месте, дав указание разведчикам подняться вверх, проверил пистолет и снял его с предохранителя. С высоты пятидесяти метров воин по имени Зек помахал рукой, давая понять, что наверху безопасно. Подниматься было трудно, ноги скользили по влажной подстилке из листьев и земли. Поднявшись, выдохнул и осмотрелся: с этой площадки открывался неплохой вид на море и лес, простиравшийся вверх по склону и каменной гряде,

уходившей на запад.

С площадки в южную сторону открывалась поляна размером с футбольное поле. Когда поднялся последний воин, я только открыл рот, чтобы скомандовать «в путь», и увидел, как из леса на южном краю поляны показалась человеческая фигура. Черты лица на таком расстоянии узнать трудно, но волосы до середины бедер ни с чем не спутать: вчерашняя дикарка. Она вышла из-за деревьев метров на пять, и, увидев, что мы повернулись в ее сторону, скрылась в лесу.

– Макс Са, поймать ее? – сразу несколько человек изъявили желание поймать девушку.

– Не нужно, у нас другая задача, не станем отвлекаться. В той стороне Бер со своим отрядом, ей не проскользнуть мимо него. Вперед!

Подавая пример, зашагал по каменистой площадке, старательно глядя под ноги. Опыт моих предыдущих поисков каменного угля говорил, что месторождения встречаются среди каменной осыпи. Около двух часов ушло, прежде чем дошли до конца каменного кряжа неровной полосой, тянувшегося на запад. Ничего даже отдаленно похожего на уголь не встретилось по пути. Кряж состоял из каменных плит, наслотившихся друг на друга. Порой приходилось обходить нагромождение таких гигантских плит, словно рассыпанных гигантской рукой.

Дойдя до конца каменной гряды, скомандовал людям привал, с наслаждением вытянув ноги, привалившись к валуну.

Бер со своими людьми появился спустя примерно полчаса, их тоже постигла неудача. В поселении людей не оказалось, а все поиски хотя бы одного куска каменного угля оказались тщетны. На мой вопрос, встретились ли им вчерашняя дикарка, Бер растерялся.

– Нет, Макс Са, мы никого не видели, даже следов.

– Неважно, крутилась она здесь. Может, высматривала нас, и увидев численность, просто испугалась. Подождем, когда подойдет Тиландер, и будем возвращаться, чтобы засветло быть на берегу.

Воины Бера с радостью встретили предложение небольшого отдыха, доставая из небольших заплечных рюкзаков сушеное мясо и воду. Паб, уже освоивший пару десятков слов, пытался найти общий язык с воинами, деля с ними трапезу. Из троих Урха, что плыли с нами, он казался мне наиболее разумным. Живой блеск его глаз при виде нашего оружия и всего нового, что он видел, выдавал незаурядный для дикаря ум. На вид ему около пятидесяти, но волосы еще черные, а лицо почти без морщин. Хорошо развитая мускулатура без лишнего веса свидетельствовала, что передо мной воин, привыкший к физическим нагрузкам. Мускулатура была развита даже слишком хорошо, я невольно залюбовался прорисованным рельефом пресса, вспоминая, что так и не начал бегать.

Прошло более часа, а ни Тиландера, ни его воинов все еще не видно. Они не дошли до конца каменной гряды по

северной стороне: мы бы их увидели в любом случае. За американца я не переживал, это был опытный воин, к тому же крайне осторожный, чтобы попасться в западню. Вероятно, что-то помешало ему подойти, а может, он просто пришел и ушел раньше нас обратно к побережью. Мы договаривались встретиться у моря после обследования горной гряды.

– Уходим обратно, – воины спешно вскочили, услышав мои слова. – Бер со своим отрядом идет впереди, мы следом.

Обратный путь всегда короче, так было всегда, даже в детстве я замечал это. Когда мы подходили к площадке, впереди послышался шум. Я различил слова Бера, обращенные к воинам:

– Не дайте ей уйти!

Выйдя из-за нагромождения гигантских плит, увидел, что вчерашняя дикарка снова попала в плен. Только в этот раз уже не вырывалась и не кричала. Ее даже не связали, она стояла в кругу воинов, с любопытством разглядывавших девушку. Воины посторонились, пропуская меня внутрь круга.

– Она сидела здесь и даже не пыталась убежать, – Бер протянул мне небольшую отлично выделанную шкуру лисы, — держала это в руках.

– Верни ей шкуру, и пусть уходит, Русы не воюют с женщинами.

Получив шкуру, дикарка недоуменно посмотрела на меня и на Бера. Теперь, при свете дня мог рассмотреть ее внимательно: девушка действительно была красива. Большие ка-

рие глаза смотрели удивленно и с небольшой обидой. Длинные густые волосы, перехваченные в нескольких местах кожаной полоской, доходили до середины бедра. На девушке была набедренная повязка, а грудь и спину покрывала другая шкура с отверстием для головы по типу мексиканского пончо.

Воины расступились, давая дикарке уйти, но она не шелохнулась.

– Уходи, иди домой, – повторил я вчерашнюю фразу и чуть не упал, услышав в ответ, как она идеально повторила мои слова:

– Уходи, иди домой. – Бер даже разинул рот от удивления, услышав так четко произнесенную фразу.

– Макш, Ха (она хочет быть твоей женщиной), – вклинился в разговор Санчо, плотоядно разглядывая дикарку.

– Санчо, заткнись, – отмахнулся я от него и повторил уже суровым голосом:

– Иди домой!

Девушка вздрогнула и шагнула в мою сторону. Бер выскочил вперед, заслоняя меня от моего визави, но дикарка мягко пропела:

– Лиа мава те, – эту фразу я уже слышал, ее она говорила ночью, когда я отпустил ее.

– Пропусти ее, – Бер посторонился, и девушка остановилась передо мной:

– Лиа мава те, – снова повторила она и, протянув руку,

коснулась моей груди. Осмелев, девушка взяла мою руку и коснулась ею своей груди скрытой под шкурой.

– Мава те.

Я беспомощно оглянулся, ища поддержки у своих людей. Сомнений не оставалось, девушка предлагала себя в спутницы, даже я это понял. Но мне почти пятьдесят лет, а ей едва ли восемнадцать. Все отводили глаза, едва сдерживая смех. Только Санчо улыбался, сияя словно начищенный медяк.

– Макш, Ха (она твоя).

– Бер, это ты ее привел вчера, кто тебя просил, – прорычал я на сына, едва сдерживающего смех. Это стало последней каплей, вначале Бер, а за ним и все остальные начали смеяться, нет не просто смеяться, а хохотать, складываясь пополам. Дикарка вначале испугалась, а затем залилась переливчатым смехом, обнажив великолепные ровные зубы. Заметив, что моя рука по-прежнему на ее груди, я поспешно отдернул ее, вызвав новый приступ смеха у своих людей. На минуту я начал закипать от гнева, но, посмотрев в бездонные карие глаза, неожиданно для себя рассмеялся.

– Хочешь быть моей? – уловив суть вопроса по интонации, девушка кивнула и снова коснулась моей груди. «Да что с тобой делать, откуда ты такая упертая взялась?», – мелькнуло в голове, и прежде, чем на вопрос ехидно ответил мой внутренний голос, сказал вслух:

– Хорошо, потом не жалуйся, – воины встретили мои слова оглушительными криками, потрясая оружием.

Дикарка испуганно сжалась, но увидев радостные лица, скопировала часть моей фразы:

– Хорошо, потом, – на большее ее не хватило, но и так, ее умение схватывать фразы меня поразило.

– Иди рядом со мной, – показал ей жестаи, чтобы держалась возле меня.

Возле лодок Тиландера не обнаружилось, он появился минут двадцать спустя с чёрными руками и лицом в угольной пыли. Оказалось, что северная сторона кряжа давала боковое ответвление на восток постепенно теряя высоту. Примерно на середине боковой ветви Тиландер нашел кусок угля у небольшого лаза у самой земли. Ничком протиснувшись в отверстие, наткнулся на уголь под монолитным слоем скалы.

– Его оттуда не достать, если только не разнести эту скалу к чертовой матери, – сокрушенно опустил руки американец. Его взгляд упал на дикарку, прятавшуюся за моей спиной: – А это кто? Макс, стоит тебя оставить одного, как ты сразу женщину находишь. Прямо Ромео, – улыбнулся Тиландер, сверкнув зубами на чумазом лице.

– Ромео? – дикарка дотронулась до моей груди.

– Ну да, Ромео, а ты у нас Джульетта каменного века, – парировал я ее слова и сделал замечание американцу:

– Ромео и Джульетта – это из другой оперы, дорогой Герман, здесь скорее подходит определение султан и гарем. И чему вас только учат в ваших школах? Так, говоришь, что уголь так просто не достать из-под чертовой скалы?

– Практически это нереально, скала накрывает все месторождение и тянется далеко. И нашими топорами, и кирками ее не разбить.

– Что ж, самое время заглянуть в записи профессора, я просил его законспектировать изготовление взрывчатых веществ из подручных средств. Нас здесь ничего не держит, нам пора домой. Тем более, не пристало новобрачной жене правителя каменного века ходить в обносках, да и вашем дурном обществе.

Третий взрыв хохота послужил ответом на мои слова, в котором различался переливчатый и звонкий смех Джульетты каменного века.

Глава 4. Задолго до китайцев

Так как до заката оставалось время, решил сам посмотреть место, где, со слов Тиландера, каменные глыбы закрыли собой месторождение каменного угля. Отправив большую часть воинов на корабль, вместе с американцем, Бером, и Санчо в сопровождении десятка воинов двинулись в путь. Дикарка увязалась за мной, жалобно глядя своими большими карими глазами. Чуть менее часа ушло на дорогу между огромными дубами, росшими в этой части леса. Деревья расступились и обнажили открытое пространство, где гигантские глыбы формировали северное ответвление горной гряды.

– Это здесь, – Тиландер подошел к двум глыбам размером с двухэтажный дом: между стыками двух глыб внизу виднелся лаз похожий на нору мелкого хищника. Бер ловко пролез в узкое отверстие и вернулся с несколькими кусками угля в руках.

– Внутри можно сесть, но все равно камень мешает, – доложил он, вытирая руки, испачканные углем. Уголь первоклассный: насыщенно антрацитового цвета, дававший еле заметные блики под лучами вечернего солнца. При небольшом усилии от него удалось отколоть пластину.

Отойдя немного назад, я окинул взглядом нагромождение глыб, под которым находился необходимый мне уголь.

О том, чтобы разбить эти глыбы или оттащить их в стороны используя ручной труд, не могло быть речи. Самые мелкие из них были размером с грузовик, а большинство намного крупнее. Структура глыб гладкая, словно гранит, удар железного топора по поверхности оставил только микроскопическую выбоину и царапину. Оставалось только два варианта: взрывать или делать шахту, ведущую под это нагромождение каменных глыб.

Идея создать порох витала в воздухе давно. Несколько раз об этом заикался Тиландер, желающий иметь взрывчатое вещество. В своих мечтах он доходил до чугунных пушек, стреляющих картечью. Он даже присмотрел место на носу и корме «Стрелы», где можно бы установить небольшие пушки. Среди записей Александрова есть конспекты по изготовлению пороха, рецепт оказался неожиданно прост: селитра, древесный уголь и сера. Давалась подробная инструкция по приготовлению селитры, измельчению и приготовлению древесного угля для пороха, описаны пропорции. Единственной загвоздкой оставалась сера.

В графе сера, профессор перечислил рудные соединения, где встречается сера: сульфиды и сульфаты разных соединений. Среди них назван и железный колчедан. Помню, как обрадовался, дочитав до этого места: железной руды у нас предостаточно. Но следующая фраза, почеркнутая дважды, испортила настроение: «В рудах Кируна содержание серы мизерное, выделение практически невозможно из-за выго-

рания при высоких температурах. Рекомендуются поиск самородной серы или иных серных руд с высоким содержанием серы».

Как искать самородную серу, по каким признакам определять ее месторождение, в каких рудах она встречается больше всего – об этом нет ни слова. Правда был неплохо описан принцип получения серы из железного колчедана, где при плавке металла сера насыщала чугун. Выделение серы из чугуна описано несколькими фразами, суть которых сводилась к всплыванию частей серы и марганца в верхний слой чугуна. Мне не раз приходилось видеть такой грязно-желтоватый рисунок на поверхности остывающего чугуна. Лайтфут обычно снимал этот тонкий слой шлака, перед тем как начать выплавку стали из чугуна.

Проблема еще и в том, что получаемая небольшая масса вещества помимо серы содержала посторонние примеси. После того, как еще раз изучил получение серы из чугуна, обсудил с Лайтфутом возможность ее накопления. За полтора года плавки железной руды серы накопилось не больше десяти килограмм в примесях.

Селитра получалась куда проще, первым этапом было получение аммиака. Для этого складывались кучи из смеси навоза с органическими отходами, с прослойками из хвороста или соломы. Найдя птичий помет, мы искренне радовались, так как он лучше. При гниении образовывался аммиак, который с помощью бактерий превращающийся вначале в азо-

тистую, затем в азотную кислоту. Взаимодействуя с известняком, которого у нас в избытке, азотная кислота после контакта с древесной золой, осаждала избыток известняка, образуя аммиачную селитру.

Селитры скопилось много, она хранилась в специальных глиняных горшках с герметичными затычками. Был даже опыт получения пороха: используя пропорции, описанные Александровым, удалось получить порох. Горел он хорошо, выделяя много дыма, но упорно не желал взрываться. Первый удачный взрыв произошел после ограничения доступа кислорода в небольшой горшочек с порохом. Взрыв меня не впечатлил, и опыты с порохом отложили на неопределенное время.

Еще раз обведя взглядом глыбы, закрывающие проход к каменному углю, понял, наших запасов селитры и серы просто не хватит, чтобы взорвать такую громадину. Оставался только способ шахтной добычи, делая шахтерские выработки. Но и здесь все зависело от плотности почвы и массы сопутствующих факторов.

– Герман, мы просто не сможем взорвать такую громадину. Наш порох некачественный, да и запасов селитры и серы, особенно серы, не так много. Будем копать шахту, сделаем подкоп под эту центральную плиту, она станет сводом для шахты. Но сейчас мы вернемся в Максель, сюда привезем рабочих, организуем небольшой рабочий поселок и смастерим причал для погрузки угля.

– А шахта не обрушится? – Тиландер с сомнением посмотрел на громадные валуны и плиты, хаотично громоздившиеся перед нами.

– Не думаю, сделаем штрек под той массивной плитой, она сама послужит сводом, не давая обрушиться глыбам вниз. Как начнем разработку, посмотрим, может, угольный пласт уходит в сторону от каменной гряды. Если нам повезет, сможем в дальнейшем добывать уголь карьерным способом.

– Как скажешь, – пожал плечами американец, судя по всему, идея со взрывом ему нравилась больше. Со стороны, конечно, красиво, взрыв и вуаля, добывай уголь открытым способом. Но в реале так не бывает, чтобы разбросать эти глыбы каменных плит, нужна мощная взрывчатка.

– Возвращаемся к берегу, – подавая пример, после своей команды первым начал движение. Дикарка шла слева от меня не отставая ни на шаг. В ее глазах читалось изумление: «белые люди пришли к Большим Камням, полчаса говорили, размахивая руками и пошли обратно. Может они хотят установить здесь подношение Духам»?

Девушку звали Лиа, каждый раз, когда она произносила свое имя, мне на ум приходила Миа. В них даже есть что-то схожее, в характерах, наверное. Миа, правда, была напористой и внешне крупнее, но и Лиа оказалась с характером. Когда мы стали садиться в шлюпки, она испуганно посмотрела на воду и закрыв глаза шагнула в лодку. Вцепившись руками в борт шлюпки, так что побелели костяшки пальцев,

Ли́а не проронила ни единого слова. По веревочному трапу на корабль она поднялась не хуже моих воинов. Оказавшись на палубе, девушка боязливо посмотрела вниз и вцепилась руками в один из шкотов фок-мачты.

– Не бойся, садись сюда, – жестами показал, и девушка поняла. Она присела, привалившись спиной к борту и закрыла глаза.

– Бер, – позвал я сына, – пусть ее покормят, она сейчас не в себе от страха. И присмотри за ней, а не то упадет в воду. Сразу утонет, даже спасти не успеем.

– Хорошо, Макс Са, – козырнув, он сразу послал воина за едой для девушки, сдерживая смех. Не будь это мой приемный сын, то получил бы за такую ухмылку, но Беру, как и Санчо, пришлось многое.

По команде Тиландера матросы вытянули якорь и бросились поднимать паруса. Слегка подрагивая, корабль тронулся с места, набирая ход по мере увеличения парусности. Трое Урха уже неплохо освоились с морскими путешествиями и спокойно смотрели, как корабль покидает бухту. До Максе́ля оставался день хода, Тиландер планировал войти в порт до наступления ночи. Но ветер ослаб, а потом и вовсе прекратился. Ночь пришлось снова провести в море.

Ли́а быстро поняла приспособление, и как пользоваться подвесным сортиром, не испытывая смущения. Ночью проснулся от того, что девушка во сне привалилась ко мне, положив ногу на меня. Постарался заснуть, но близость

юной девушки будоражила. Осторожно, чтобы не разбудить Лию, снял ее ногу и минут десять посидел на палубе. Дежурные матросы исправно несли вахту, вскочив с места при моем появлении.

Вернувшись в каюту, лег с краю и довольно быстро провалился в сон. В порт Максея мы вошли еще до полудня: портовые рабочие приняли швартов, надежно фиксируя шхуну. Урха и Лиа с изумленными глазами глазели по сторонам. В порту стоял «Варяг», шла разгрузка железной руды. Некоторые куски железной руды были неподъемными. Для их погрузки и разгрузки в Портбоу и в Макселе установили прототипы подъемных кранов, напоминавших колодезный журавель. За счет использования длинного рычага удавалось поднять большой вес. Используя поворотный механизм «крана», доставленная руда выгружалась прямо на пирс, откуда поступала в распоряжение Лайтфута. Порт Максея выглядел оживленным: сновали люди, шла разгрузка. Лиа испуганно жалась ко мне, тараша карие глаза.

– Герман, сегодня и завтра отдых, послезавтра повезем рабочих к угольному месторождению. Пусть Вириту сформирует рабочую бригаду. И да, не забудь, вечером во дворце праздничный ужин, жена у меня новая появилась.

– Помню насчет жены, – улыбнулся Тиландер уголками губ, – может, и мне присмотреть себе молодуху?

– Дерзай, – увидев спешащего навстречу Лара, оставил американца заниматься своими делами.

– Макс Са, кто эти люди? – Лар смотрел на троих Урха, которые следовали за мной, притихшие от впечатлений.

– Лар, это дикари из племени Урха, они живут в двух днях пути. Тех двоих, – я показал на Река и Гуна, – пристрой в кузницу к Уильяму, а третьего возьми к себе. Пусть осматриваются, учат язык. Будем налаживать с племенем Урха добрососедские отношения, а эти трое нам помогут, освоив язык Русов.

– Куда их поселить, Макс Са?

– Кузнецами займется сам Уильям, скажи, пусть решит вопрос с едой и жильем. А третьего, его зовут Паб, посели в казарме. За девушку не беспокойся, с ней я сам разберусь, – предвосхитил вопрос гиганта, чей взгляд остановился на Лие.

– Я понял, Макс Са, – показав жестами Урха, чтобы следовали за ним, Лар уже повернулся, чтобы уйти, но я остановил его вопросом:

– Как успехи Мала?

– Он очень сильный воин, но быстро злится и тогда становится, как бык во время периода борьбы за самку, – привел витиеватое сравнение Лар, намекая на неконтролируемую ярость моего сына.

– Я поговорю с ним, – заверил военачальника, направляясь к дому. Сзади топал Санчо, Бер с парой воинов шел немного впереди. Уже на подходе к дворцу встретил гуляющих Сед с Виком. Стрельнув глазами в Лию, Сед бросилась

на шею, чуть не сбив меня с ног.

– Как прошло плавание, нашли уголь, а кто эта девушка? – засыпала меня вопросами дочь физика.

– Все нормально, уголь нашли, и видели большое поселение дикарей. Эта девушка будет жить с нами, зовут ее Лиа, – я сделал паузу, – моя новая жена.

Если Сед и испытывала недовольство, то вида не показала. Вместе мы вошли во дворец, где остальные члены моей большой семьи собирались обедать. Все взгляды устремились на Лию, которая смущенно спряталась за мою спину. Моя умная и рассудительная Нел поняла все без вопросов. Подойдя к девушке, она за руку повела ее в нашу импровизированную ванную.

– Удачным ли был твой путь? – Алолихеп оставалась верна себе. Ее вопросы всегда несли оттенок воспитанности.

– Да, удачным, где Максхеп?

– Побежали к Зику в школу, – Алолихеп пододвинула мне стул, – садись Макс Са Ра.

Из ванной комнаты послышался визг Лии и смех Нел: купание началось. Я не успел отобедать, когда чистая Лиа в новой тунике и довольная Нел присоединились к нам. Нел усадила Лию на деревянный стул, девушка ерзала, не понимая, как правильно себя вести. Мягким материнским голосом старшая жена начала обучение этикету, но Лиа проголодалась: схватила кусок мяса и вонзила в него зубы. Сок из мяса потек по уголку рта, но девушке было наплевать. Встре-

тился со взглядом с Нел: придется потрудиться, чтобы научить дикарку манерам. Нел понимающе кивнула головой, давая понять, что это ее проблема.

Я хотел навестить Лайтфута, быстро доев, встал из-за стола, оставил многочисленное семейство. Уже на выходе столкнулся с Михой, оставленного старшим в Макселе на время моего плавания. Старший сын рассказал о событиях, произошедших за несколько суток моего отсутствия, подробно останавливаясь на каждом пункте. Не перебивая, выслушал доклад, отметив про себя, что парень неплохо справился. Потрепав его по голове, поблагодарил за службу и поспешил к кузнецам.

Лайтфут со следами сажи на лице бегал возле доменной печи, покрикивая на подручных. Двое Урха Гун и Рек уже находились здесь, взирая с почтением и ужасом на четырехметровую домну, ревущую от подаваемого в топку воздуха.

– Сэр, что за дикарей вы мне прислали? – прозвучал вопрос вместо традиционного приветствия.

– Это Гун и Рек из племени Урха, что в двух днях плавания на северо-восток. Планирую установить с ними добрососедские отношения, у этих двоих есть начальные навыки кузнецов. Пусть покрутятся возле тебя, немного улучшат свои навыки и освоят язык. И определись с их кормежкой и ночлегом.

– Хорошо, но вы ведь не из-за них пришли? Лар мне уже говорил про них, – Лайтфут вытер руки о кусок шкуры, вы-

жидая моего ответа.

– Не из-за них, нам пора возобновить опыты с получением пороха. Что у нас с серой?

– Есть, но в примесях со шлаком, – Лайтфут кивнул в сторону деревянного корыта, где небольшой горкой высилось примерно ведер двадцать шлака, но вряд ли из него удастся выделить больше ведра серы. С момента как Тиландер произнес слово «взорвать», идея получить качественный порох овладела мной с новой силой.

– Надо будет еще раз глянуть записи профессора, чтобы уточнить процесс выделения серы, – оглянувшись на двоих Урха, подозвал их себе:

– Гун, Рек, подойдите. – Указав на Лайтфута, несколько раз повторил слово мастер, показывая рукой то на американца, то на небо. Не знаю, что именно поняли дикари, но закивали синхронно.

– С кормежкой и ночлегом проблем нет, у меня здесь пара лишних лачуг имеется, да и обеспечивают нас неплохо. А чему конкретно мне их учить? – Лайтфут впервые с интересом разглядывал стоящих перед ним дикарей.

– Учи их плавить и ковать. У них есть железные наконечники из сырого железа, думаю, что понятия не имеют о закалке. Заодно, Уильям, как они начнут понимать язык, раз-узнай максимум информации о племени. Вы как кузнецы общий язык найдете.

– Хорошо, постараюсь. Но я могу их использовать и на

других работах, в той же перевозке руды из порта к кузницам?

– Конечно, ребята крепкие, а в общей работе с твоими подмастерьями они скорее выучат язык.

– Что у нас с запасом селитры, Уильям?

– Есть два больших горшка с герметичной затычкой. Там примерно сорок литров селитры. Оба горшка вкопаны в землю и накрыты железным листом. Кроме того, с прошлого года «доходит» до кондиции примерно еще столько же. Если нужно, могу заготовить еще.

– Думаю, достаточно, улучшим технологию, чтобы порох получался качественнее.

Я приблизительно прикинул, что с учетом пропорций, речь идет о ста килограммах пороха. Врагов у нас нет, этого запаса нам вполне хватит на всякие эксперименты. О пушках я еще не задумывался, технология литья пушек из чугуна слишком сложная, но вот сделать пороховые бомбочки типа ручных гранат, нам вполне по силам.

Поболтав с Лайтфутом еще несколько минут, двинулся в музгар (храм): хочу обсудить со священнослужителями пару моментов касающихся похорон. До сих этот процесс не отрегулирован по единым стандартам: Русы хоронят умерших исходя из традиций племени, кем они считали себя ранее. Дьявол кроется в деталях, если сейчас все не унифицировать, даже такая мелочь может стать поводом для внутренней грызни после моей смерти.

Глава 5. Генуэзцы

Заканчивался август двадцать первого года новой эры: за основу летоисчисления взял дату своего приземления на Земле. Около трех месяцев назад во время морской разведывательной экспедиции наткнулся на крупное поселение дикарей. По моему атласу, на Земле моей молодости здесь располагался город Генуя. Племена Урха, проживающие в этой местности, имели на вооружении лук и знали железо, ковали наконечники копий и стрел, хотя и скверного качества. Конечно, я рассматривал данное племя как часть моего народа Русов, но впервые решил не форсировать события, а развивать отношения неспешно. С этой целью пригласил в гости несколько человек из племени Урха, чтобы дать им наглядно убедиться в нашей силе и развитии.

– Макс Са, – когда поедет в наше племя, – отвлек меня от раздумья Паб, один из троих Урха гостивших в Макселе уже три месяца. Паб, мой ровесник, оказался чрезвычайно смышлёным и внешне сильно напоминал жителя Латинской Америки. Двое других, Рек и Гун, тяготели к кузнечному делу, все время проводили вместе с Лайтфутом и тоже сносно говорили на русском, но Паб их явно превзошел. Глядя на этого зрелого мужчину, даже пожалел, что он не из Русов.

Паб все схватывал на лету: управлялся парусами не хуже матросов Тиландера, быстро нашел общий язык с волами,

задействованными для перевозки грузов. Его можно было увидеть и в казарме, где он, копируя движения воинов занимался в общей массе. Но больше всего ему нравилось наблюдать, как крутится мельничное колесо под напором воды из Роны. Паб мог часами сидеть, наблюдая, как по желобу вода падает на колесо, заставляя его крутиться и приводить в движение мельничные жернова.

Что мне еще нравилось в этом дикаре, так это желание помочь в работе любому. Несколько раз видел его на лесопилке, где он помогал пилить бревна, получая доски. Вероятно, его приводили в восторг сложные в его понимании механизмы, лесопилка также приводилась в движение водой. Паб успевал везде, со всеми находил общий язык. Усыпанный цементной пылью бежал к озеру, чтобы смыть грязь, а спустя пару часов его видели помогающим мельнику, где он уже был обсыпан мукой.

Угольное месторождение, найденное нами вблизи селения Лии, начали разрабатывать практически сразу. Спустя пару дней Тиландер отвез туда бригаду разнорабочих под руководством Вириту. С ними поехал десяток воинов для обеспечения безопасности.

Пришлось убрать очень большое количество грунта, прежде чем удалось создать удобный вход в шахту. Моя надежда, что угольный пласт имеет горизонтальное расположение и выходит за края каменной гряды, не оправдалась. Вертикальный угольный разрез под небольшим уклоном ухо-

дил на северо-запад. Работа по добыче угля стала рискованной и трудной: приходилось устанавливать вертикальные опоры, чтобы поддерживать свод шторека. Это, в свою очередь, требовало наличия лесорубов и изготовления опор. В некоторые дни шахтеры бездействовали, ожидая пока изготовят опоры. В шахте мы не стали пренебрегать безопасностью, делая временные опоры. Все опоры ставили массивные, диаметром не меньше тридцати сантиметров. Это немного осложняло движение внутри шторека, но безопасность важнее.

Небольшой причал построили довольно быстро, после первой недели работы рабочие соорудили у берега несколько временных хижин, чтобы не спать под открытым небом. Через два месяца на месте угольного месторождения выросло небольшое поселение: я распорядился переселить две семьи рыбаков и троих охотников, чтобы снабжать людей пищей.

Мар на «Варяге» делал рейс каждую неделю, привозя около трех тонн угля каждый раз. Тиландер отпросился на это время, чтобы вновь заняться будущим трехмачтовым клиппером с громким названием «Катти Сарк». За эти три месяца я несколько раз посетил угольное месторождение, чтобы лично убедиться в выполнении техники безопасности. Вириту очень ответственно подошел к работе, увиденное оставило меня довольным.

В последний раз, возвратившись вместе с Маром с грузом угля, Тиландер случайно дал название рабочему посел-

ку. Встретив меня на причале, американец поинтересовался:

– Как там твои люди, Макс, твои максимены? – Прозвучало так интересно, что мы оба не удержались от улыбки.

– Максимены, говоришь? А ведь мы даже названия не дали поселку, где люди трудятся уже третий месяц.

– Ну пусть будет Максимен, Максель у нас есть, чем Максимен хуже? – пожал плечами Тиландер, оглядывая будущий клиппер. Название прижилось, через неделю никто иначе и не называл наши каменноугольные копи. Уголь Максимен давал первоклассный: Лайтфут был в восторге и каждый раз заводил тему насчет качества угля. Единственная проблема – вертикальное залегание. Глубина шахты достигла пятидесяти метров, уже прорубили два боковых штрека. Пока обошлись без несчастных случаев, но каменная глыба над головами шахтеров приводила меня в уныние.

Запаса железной руды с Портбоу и угля с Максимена столько, что при существующих потребностях мы обеспечены на несколько лет непрерывной работы домны. Но население моего первого протогосударства росло не по дням, а по часам. Когда нет угрозы голода, любой животный мир размножается стремительно. У одного Санчо вместе с приемными близнецами уже восемь детей. У Рага, старшего брата Нел, уже шестеро, и, похоже, не собирался останавливаться. Нел и Зик жаловались, что помещений в школе не хватает, и приходится детишек теснить.

– Откройте вторую смену, – отшучивался от их назойли-

вых просьб пристроить пару комнату к школе. Все мои рабочие сейчас заняты: часть людей добывала железную руду в Портбоу, матросы Тиландера заняты на постройке клиппера. Вириту со своей бригадой переквалифицировался в шахтеров и ежедневно рисковал жизнью. При такой нагрузке снимать людей, чтобы занялись строительством школы, было нецелесообразно. До наступления зимы планировал не останавливать работы по добыче угля и руды.

Лиа быстро нашла общий язык с Нел и Алолихеп, с Сед отношения не складывались... Несколько раз ловил себя на мысли, что свадьба с Сед была ошибкой. Даже несмотря на суровый урок в ней оставалось ослиное упрямство. Напрямую она не говорила ничего, но умудрялась доставать Лию и даже Алолихеп. Нел она побаивалась, зная, что непослушание моей старшей жене чревато серьезным наказанием, но Сед приносила пользу, ее отец оказался прав, говоря, что у девушки много знаний, и обучение старших классов в единственной школе Максея стало для нее отдушиной. Школьники ее ненавидели, но Сед оставалась непреклонна, заставляя сдавать учеников контрольные.

Ячмень, пшеница, чечевица поспели, пришлось выводить все женское население города на сбор урожая. Все собранное нужно еще просушить, провеять, распределить по амбарам, часть доставить на мельницу для помола. Собрать скирды соломы для животных, снова вспахать поля и засеять под озимые. В таком бешеном режиме прошел конец августа и

практически весь сентябрь.

По окончанию работ, организовали традиционный праздник Сева с обилием домашнего пива. В этом году праздник растянул на три дня, чтобы люди могли немного отдохнуть. Специально на праздник вернули всех рабочих, занятых добычей угля и руды. Веселье удалось, пиво лилось рекой, и уставшие люди по-настоящему расслабились за эти три дня. Только часовые, выставленные в дозорах, оставались трезвы. Люди пили, предавались плотским утехам, зачастую не доходя до своих жилищ, найдя укромное место. «Церковь» в лице последователей Хера порицала такое поведение, но я относился спокойно: людей нельзя все время держать на коротком поводке.

Трое Урха уже неплохо владевшие языком Русов в первый день праздника вели себя тихо. Но уже в третий день пили, как настоящие портовые грузчики.

Паб снова пристал с вопросом, когда мы наведем их поселение. Так как страда закончилась, пообещал ему поездку в их поселение во время первой доставки шахтеров в Максимен, откуда до генуэзцев всего день плавания. Генуэзцами их называли я да Тиландер, обозначая их территориальную принадлежность.

По окончанию праздника Сева дал сутки, чтобы люди отдохнули от отдыха на празднике и смогли приступить к работе. В этот раз в дорогу к Максиму вышли на двух кораблях: «Варяг» должен был остаться в Максимене, а «Стрела»

шла дальше, выполняя мое обещание, данное Пабу.

* * *

Пабло Мендоса, урожденный в браке от Мигеля Мендоса и Селен Гомес родился уже в Америке, куда его родители переехали сразу после окончания Второй Мировой войны. Лос-Анджелес послевоенных лет еще не стал испаноязычным, выходцы из Латинской Америки здесь были редкость, не то что в Техасе. Молодому Пабло учеба давалась нелегко: малограмотные родители на английском умели только общаться. В школе мексиканец Пабло столкнулся с расовой ненавистью: в глазах коренных американцев мексиканцы на социальной лестнице стояли ниже негров. Редкий день юный Пабло возвращался из школы без синяков. Его отец хватался за нож, грозя отрубить головы обидчикам сына, но мать всегда успевала его остановить. Только в колледже Пабло понял, что это была игра: отец так пытался внушить сыну, что его обида не останется безнаказанной.

Шли годы, за время учебы в Occidental College Пабло познакомился со многими людьми, но главной его удачей стала помощь старику, упавшему на улице с сердечным приступом. Этим стариком оказался некий Уолтер Постнер, ветеран Второй Мировой и отец Питера Постнера возглавлявшего Калифорнийское отделение ЦРУ. Пабло стал частым гостем в доме Постнеров, и Питер, присмотревшись к молодому мексиканцу, прощупал почву. Его доклад о молодом перспективном мексиканце попал в Лэнгли, где эту кандидатуру

после тщательной проверки одобрили.

Пабло помогли поступить в California State University – Los Angeles, по окончании которого его официально приняли в штат разведывательного управления. К своим тридцати годам Пабло, выглядевший значительно моложе своих лет, уже имел три заграничные операции за спиной. Дважды он побывал в Колумбии и один раз на родине предков – в Мексике. Большая часть его службы проходила в офисе по улице Паттона. Отлично зная испанский язык Пабло, занимался корреспонденцией и отчетами, связанными с Латинской Америкой. А потом его вызвали в Лэнгли, где заместитель директора Отдела Специальных операций Ричард Диккинс ввел его в курс предстоящей операции и познакомил с Джоном Картером, назначенным главным по предстоящему делу.

Операция шла по плану, все складывалось идеально, пока у бермудского берега они не попали в туман. Вначале он забыл сделать укол объекту, а потом объект и вовсе исчез, скорее всего, утонув. Их яхта вышла из тумана и оказалась у берегов, поросших густым лиственным лесом. Спустя некоторое время они доплыли до поселения, где жили настоящие дикари умудрившиеся ранить Пинчера. Пинчер выжил, но рана его постоянно беспокоила, и он умер спустя пять лет.

Почти пятнадцать лет они прожили вместе с Картером среди дикарей пользуясь привилегиями «сванга», почитаемых дикарями. У Пабло было всего две жены, Картер успел

обзавестись дюжиной жен и наложниц. Найденный во время охоты ячмень стал основой пропитания наряду с мясной и рыбной диетой. Потом они наткнулись на обугленный в костре кусок породы, в котором Картер опознал железную руду. Прошло много месяцев неудачных попыток, прежде чем получили первую железную крицу.

Получив от «сванга» лук и стрелы, дикари стали продуктивнее охотиться. Несмотря на высокую младенческую смертность численность Урха росла. Небольшие племена вливались в поселение, численность племени превысила пять сотен. Еще три родственных племени жили в нескольких днях пути к северу. Шаманы и вожди племен признали свою зависимость от «сванга» и были готовы прийти на помощь по первому зову.

Когда встревоженные Урха прибежали к Пабло со словами, что со стороны ВОДЫ, ЧТО НЕЛЬЗЯ ПИТЬ, идет огромный Дух, мексиканец улыбнулся. Мировоззрение и восприятие дикарей его всегда забавляло. Но выйдя к берегу, Пабло чуть не лишился сознания: в бухту входил двухмачтовый парусник. До Картера, чье первенство он признавал до сих пор, Пабло бежал изо всех сил. Несомненно, на паруснике приплыли люди разумные и продвинутые. Картер не обрадовался такому известию, вместо того чтобы открыться прибывшим, он приказал слиться с дикарями и наблюдать.

Двое из прибывших, несомненно, были современными

людьми: на поясе одного висел необычный трехствольный пистолет. Таких Пабло не видел, но по качеству исполнения, это явно не пистолет позднего средневековья, а вещь заводского изготовления. Гости не проявляли агрессии, вели себя весьма дружелюбно. Когда они стали приглашать Урха к себе, Пабло встретился с Картером, чтобы получить инструкции. Картер неожиданно обрадовался такому повороту дел, предложив самому Пабло отправиться к неожиданным гостям.

– Джон, почему мы не можем открыться им? Видно же, что это люди примерно из нашего времени, я даже услышал, как один из них обращается к другому по имени Герман. Язык я не понял, но точно не европейский, хотя выглядят как европейцы.

– Потому что мы не знаем кто они, какие у них цели, – жестко отрезал Картер, – и пока мы не узнаем про них все, нас как американцев для них не должно существовать. Ты, Пабло, внешне похож на наших Урха, они ничего не заподозрят. Для них ты будешь необразованным дикарем из каменного века. Осмотрись, узнай численность их воинов, какими технологиями они владеют. Нам нужен этот парусник и часть команды. Если мы сюда попали у берегов Бермуд, может, вернувшись туда сможем попасть домой в свое время.

Последний аргумент переубедил Пабло, чтобы попасть домой, он согласился бы побывать в гостях у самого дьявола. Он вернулся на пляж вовремя, чтобы попасть в число тех,

кого заберут на борт парусника.

Первые часы Пабло не смог узнать ничего нового. Но когда ночью на вторые сутки путешествия он услышал английскую речь, Пабло едва сдержался, чтобы не раскрыть себя. Беседовали двое белых находясь на корме: одного звали Герман, второго Макс. Пабло уже открыл рот, чтобы заговорить, когда фраза, сказанная Германом, заставила его похолодеть.

– Неужели русская душа не в состоянии пройти мимо красивой девушки, даже если она дикарка?

«Русские»! Пабло заметили и грубо окликнули, ему пришлось симитировать проблемы с животом, чтобы отвести подозрения. Оба русских ушли с кормы, и Пабло пронесло в буквальном смысле. Русские... при осознании этого факта его кишечник стал настойчиво требовать опустошения, вызывая сильные спазмы. Картер оказался прав – это враги, и как он мог подумать, что здесь могут быть друзья? На тот момент Пабло не занимало, как здесь оказались русские: его воспаленный мозг рисовал картины одна бредовее другой. Что упавшего в море похищенного подобрала русская субмарина, а за ними объявили охоту. Что сама ситуация с их попаданием в этот мир, была новейшей разработкой КГБ.

Страх его оказался так силен, что он едва сдерживал себя от желания прыгнуть за борт и добираться вплавь до берега. Но без оружия он был обречен и не сумел бы дойти до поселения. Подавив в себе страх, Пабло решил выполнить задачу, поставленную Картером: собрать сведения.

Прошло три месяца, Мендоса вполне сносно говорил на языке Русов и уже позабыл свой первый страх. Он узнал характер Макса, Тиландера и остальных, понял, что это обычные люди, хотя их история попадания в этот мир оставалась для него тайной. Пабло увидел численность воинов новых соседей, познал несколько примитивных технологий, многому научился за три месяца. Подслушивая разговоры Макса и Германа на английском и на языке Русов, Пабло понял, что их новые соседи не желают им зла. Ему требовалось срочно передать информацию Картеру, а потом можно уже открыться Русам и зажить как друзья. Тем более, что двое среди Русов были американского происхождения. Он несколько раз обращался к Максусу с просьбой посетить их поселение. Макс все время откладывал визит, но накануне праздника Сева сообщил, что после празднования они поплывут к племени Урха. Пабло не был любителем пива, но эти три дня дал себе расслабиться, готовясь к долгожданному возвращению домой.

Глава 6. Стечение обстоятельств

Мой визит в племя Урха пришлось отложить на некоторое время: внезапно заболел Санчо. Это второй случай, когда ненасытный неандерталец подхватил дизентерию. Санчо рвало, и он испражнялся до десяти раз в сутки, похудев за неделю не меньше чем на двадцать килограммов. Все попытки остановить обезвоживание к успеху не приводили: неандерталец терял воду, усыхая прямо на глазах. К концу второй недели рвота и понос прекратились, но на лежанке в окружении своих жен лежал не мой приемный сын Санчо, а его бледное подобие, потерявшее половину своего веса.

Зик неотлучно находился при заболевшем, следя, чтобы жены Санчо соблюдали гигиену. Я навещал его каждый день: Санчо силой пичкали соленой водой и толченым древесным углем. Зик перепробовал все отвары из лекарственных трав, пенициллин, выращиваемый на заплесневелых лепешках, но практически безрезультатно. Лишь спустя две недели наметилась еле заметная положительная тенденция. Неандерталец упорно отказывался от еды, отвары, воду и уголь приходилось вливать силой.

От первоначального плана выйти в море двумя кораблями, чтобы, оставив «Варяг» в Максимене, плыть к Урха, пришлось отказаться. Мар, забрав воинов и рабочих Вириту, отправился в Максимен. Я же ожидал выздоровления Санчо,

чтобы отплыть к Урха, потому что уже шел четвертый месяц после нашего первого посещения. Больше всего задержке огорчился Паб, ежедневно навещавший неандертальца, чтобы справиться о его состоянии здоровья. Я понимал его нетерпение, человек уже три месяца оторван от родного племени, наверное, скучает по своей семье. Едва состояние Санчо стабилизировалось, и он впервые принял пищу, послал человека к Тиландеру, чтобы готовил «Стрелу» к выходу в море.

Кроме Бера в этот раз решить взять с собой Лара, в поход просился и Мал, но нельзя забирать всех с собой. Санчо еще слаб, Раг удалился от общегосударственных дел, занимаясь своей семьей.

– Мал, ты остаешься за военачальника, меня не будет несколько дней. Охраняй наш город, нашу семью, слушайся Миху. – Оба старших сына почтительно стояли, слушая указания.

– Миха, – контролируй работу по доставке руды и угля, это наши главные активы. Если возникнет вопрос, на который не знаешь ответа, посоветуйся с Уильямом.

– Хорошо, отец, – коротко ответил старший сын. Малу тяжелее было согласиться, он привел довод, что именно он обязан охранять отца, раз Санчо болеет. Но я развеял его страхи:

– Мал, это дружелюбное племя, со мной плывут Лар и Бер. Это не считая сорока воинов. Паб, Рек и Гун прожили с нами

три месяца, ничего кроме послушания и почтительности я от них не видел. Ты зря беспокоишься, сынок.

– Хорошо, отец, я буду охранять город, семью и слушаться Миху, – скрепя сердце, согласился сын так похожий своим характером на Мию.

Еще раз пройдясь по основным пунктам, на которые следовало акцентировать внимание, отпустил сыновей. Подумывал взять с собой Лию и навестить их маленькое племя, но ее начать мучать ранний токсикоз. Плавание она переносила плохо, не стал усугублять ее положение таким путешествием.

По календарю наступило 13 октября, когда «Стрела» ранним утром выбрав якорь вышла в море. Накануне Тиландер просил отложить поездку на день, ссылаясь на плохую примету «пятницы 13го», но я только высмеял суеверного американца. Сутки спустя мы уже стояли на якоре в небольшом порту Максимена, где интенсивно продолжались работы по добыче угля. Вириту испортил настроение, сказав, что залежи угля стали уходить в глубину. Знаний, чтобы добывать уголь в вертикальном штреке, у меня нет. Да и такая работа сопряжена с большой опасностью и трудностью доставки угля на поверхность.

– Попробуйте отыскать вторую жилу, не может быть, чтобы весь уголь залегал в одном пласте. А пока работайте в этом штреке, пока доставка угля наверх не станет затруднительной.

– Конечно, будем искать, – заверил меня Вириту, но в его глазах отражалось сомнение. Еще раз обговорив все детали, попрощался с рабочими и отплыл к кораблю.

Все три Урха проявляли нетерпение с момента, как мы отплыли из Макселя.

– Завтра будем в вашем селении, Паб, соскучился по жене, наверное? – пошутил я, поднявшись на борт.

– У меня две жены, – весело осклабился Урха.

– Молодец, надо тебя еще одну жену дать из Русов, может, переедешь жить в Максель. Такие, как ты, мне нужны, – оставив смущенного Паба, присоединился к Тиландеру, объяснявшему рулевому курс к племени Урха.

– Герман, как насчет жениться второй раз? Возьми себе молодку из Урха, так мы быстрее наладим хорошие отношения.

– Моя старуха ревнивая, еще прибуёт молодую в мое отсутствие, – отшутился американец, заканчивая разъяснения рулевому. – Якорь поднять, поднять стаксели, кливер выставить, – прозвучала команда, и на палубе возникла беготня. «Стрела» снялась с якоря и поднимая паруса при слабом встречном ветре, начала маневрирование, выходя из бухты.

Сутки пролетели быстро, ночью остановились, торопиться некуда. Еще до полудня показалось селение Урха. Корабль вошел в бухту и встал на якорь в пятидесяти метрах от берега. Заскрипели давно не смазанные тали, спуская две шлюпки на воду. В первой шлюпке кроме меня Бера и Лара сидели

трое Урха и восемь моих воинов. Во вторую погрузился Тиландер и пятнадцать воинов, вооруженных луками и стрелами, в полной боевой экипировке.

На берегу нас ждала чуть ли не половина поселения. Одних воинов с полсотни, не считая женщин и детей. Местные помогли вытащить шлюпки на песок, оглушая громкими криками. Я уже поднял было руку, чтобы отблагодарить их за такое приветствие, когда увидел, что их радость предназначена Пабу. Все встречавшие старались проявить свое радушие, касаясь его руками. Такие почести меня несколько удивили, тем более что внимания ко мне лично и моим людям проявляли куда меньше. Конечно, нас тоже трогали, цокали языками, особенно в этом преуспели женщины. Но в сравнении с Пабом, нам досталась лишь малая толика внимания.

– Они скучали по мне, мы же почти все родственники, – объяснил такую реакцию местных Паб, пробившись ко мне сквозь толпу почитателей. – Сейчас нам приготовят еду, а я пойду проведу семью, пока вы будете кушать.

Резкими отрывистым голосом Паб дал указание, и внимание переключилось на нас. У нескольких костров началось оживление, женщины насаживали на вертел крупные куски мяса, нам предложили холодной воды. Расположившись под группой из трех деревьев, создавших уютное место, мы присматривались к дикарям, сновавшим, между нами. Особенно старались детишки, любопытство у детей всегда в крови,

будь это современный ребенок или дитя первобытного человека.

Рек и Гун в отличие от Паба не покинули нас, выполняя роль хозяев и переводчиков. Женщины Урха комплексами не страдали, поднимая куски шкуры, прикрывавшие грудь и бедра. Они демонстрировали свои прелести, заразительно смеясь при этом.

Паб отсутствовал довольно долго: за это время прожарилось мясо, и мы приступили к трапезе, которую с нами разделили сами Урха. Судя по вкусу мяса, ели мы свинину: Рек уточнив у женщин подтвердил, что это дикие кабаны в огромном количестве, обитающие неподалеку. Несмотря на прохладную погоду Урха ходили полуобнаженными, а детишки вплоть до подросткового возраста и вовсе без одежды.

Паб появился, когда мы уже заканчивали трапезу: его шею украшал наряд из перьев орла с ракушками. «Ожерелье» получилось на любителя, но на Урха явно производило впечатление. Все без исключения кланялись Пабу, спешившему к нам в экзотическом обличе.

– Паб, ты вождь? – Этот вопрос возник в моей голове при высадке на берег, но задать его удалось только сейчас. На мой вопрос дикарь смутился, но ответил положительно:

– Да, Макс Са, но я не главный вождь. Есть еще сванга главнее меня.

– Сванга означает вождь? — уточнил я, услышав необыч-

ное слово. В этот раз Паб ответил не так быстро, словно собирался с мыслями.

– Сванга – это и вождь, и отец в языке нашего народа. Сванга немного шаман, немного отец, немного вождь. Сванга это все, – закончил мысль Паб, присаживаясь рядом.

– Макс Са, тебе и воинам понравилась еда?

– Да, Паб, было вкусно. А где главный сванга, может нам пора поговорить с ним насчёт наших племен?

– Он придет позже, – ушел от прямого ответа Паб, задав в свою очередь вопрос:

– Макс Са, ты хочешь всех сделать Русами?

– Нет, Паб, становиться Русами или нет, это вам решать. Я хочу, чтобы наши племена жили дружно, помогали друг другу, обменивались товарами, выдавали замуж девушек. Тебе это трудно понять, но нельзя все время жениться на женщинах своего племени, нужно чтобы кровь все время смешивалась.

– Макс Са, ты хорошо говоришь, думаю, что Урха будут рады. Сейчас наши женщины кое-что покажут, —заговорщически улыбнулся Паб, вполголоса отдав команду воину поблизости. Прошло около пяти минут, когда в наш круг ворвались с десятков молодых женщин Урха и начали танец под ритмичные звуки, похожие на барабанный бой.

– Танцы, – лениво протянул Тиландер, полулежа рядом со мной.

Но это оказались не обычные танцы, женщины, пластично

двигаясь, начали снимать с себя обрывки шкур, демонстрируя стриптиз каменного века.

* * *

Картер дожидался возвращения Мендосы с «задания», так он назвал для себя ситуацию, когда Мендоса с двумя Урха воспользовался приглашением незнакомца. На исходе третьего месяца сомнения начали одолевать его, не поступил ли он опрометчиво, послав Мендосу в разведку. Случись что с напарником, он останется один среди дикарей. И пусть его авторитет незыблем, но возможность прожить без своего товарища Картера страшила.

Долгожданную весть, что корабль входит в бухту он получил уже на четвертый месяц отсутствия Мендосы. Его воины были подготовлены, за три месяца он натаскал лучших из них, отрабатывая мгновенную реакцию и взаимодействие. Десять лучших воинов Картер окрестил «морскими котиками», научив их плавать по-собачьи. На них возлагалась главная часть операции по захвату судна. Море изобиловало рыбой, но, к счастью, акул в этих широтах они не видели. День за днем его «морские котики» отрабатывали одну единственную операцию: тихо подплыть и захватить корабль.

Для тренировок в натуральных условиях Картер задействовал небольшой шлюп, построенный Пинчером еще до смерти. Шлюп этот был бесценным, на нем редко выходили в море, пряча его от посторонних глаз. Когда его пловцы отточили мастерство захвата шлюпа, Картер перенес тренировки

на ночное время. Здесь он впервые столкнулся с неповиновением, когда один из пловцов отказался лезть в воду ночью. Труп «отказника» два дня висел на дереве, пока запах разложения не заставил его снять и похоронить. Урок оказался более чем наглядным: никто из пловцов больше не показывал признаков сомнения или неповиновения.

Наряду с обучением пловцов, Картер занимался и молодыми девушками, понимая, что вооружение у неприятеля лучше, а воины, судя по всему, имели опыт боевых действий, Картер решил усыпить бдительность врага. Для этой цели отобрал около пятнадцати молодых стройных девушек в чьи задачи входило усыпление бдительности врага. Под ритмичные звуки барабана, сделанного из подручных средств, он учил девушек танцевать. Изюминка танцев в том, что девушки по ходу танцев оголялись, демонстрируя свои прелести.

Пластичность девушек Урха была на высоте, смотря на их тренировки Картер едва сдерживался, чтобы не наброситься на одну из них. Несколько девушек он отсеял исходя из их внешности.

К исходу второго месяца его пловцы и танцовщицы были готовы, но прошло еще больше месяца, прежде чем корабль вернулся. Теперь все зависело от объема и качества информации, добытой Мендоса.

Со своего места Картер в бинокль наблюдал, как две шлюпки пошли к берегу: он насчитал порядка двадцати воинов. Нужно узнать, сколько еще воинов осталось на ко-

рабле, прежде чем дать сигнал к началу операции. Будучи ЦРУшником до мозга костей, Картер не удержался, чтобы не дать название своей операции. Операция называлась «Мулен Руж», по ассоциации с знаменитым кабаре в Париже.

Шлюпки пристали к берегу, и представление началось. встречающие гостей Урха всеми силами показывали свою радость, пытаясь прикоснуться к гостям. Картер хмыкнул, длительные тренировки не прошли даром: прибывших буквально обволокли вниманием. Больше всего внимания доставалось самому Мендосе. Урха были искренне рады видеть одного из своих «сванга». Изобилие внимания не давало Мендосе вырваться из круга дикарей, чтобы поспешить с отсчетом к Картеру. Видимо, Мендосе удалось переключить внимание Урха на гостей, которых, похоже, ошеломила такая встреча и радушие дикарей. Картер увидел, как Мендоса, пообщавшись с двумя белыми мужчинами, начал пробираться между хижин, чтобы попасть в запретную зону.

«Момент истины», – мелькнуло у него в голове, от того какими сведениями располагает его напарник, зависит, начнется операция «Мулен Руж» или нет.

Выслушав своего напарника, Картер на несколько минут погрузился в размышления. Информация его шокировала, Мендосе удалось узнать так много, что Картер внутренне запаниковал, сможет ли осуществить свой план. Судя по рассказам напарника, Макс, так звали белого мужчину с пистолетом на поясе, чуть ли не средневековый монарх. У него

есть город с крепостью из камня, некоторые улицы вымощены камнем, есть еще два судна. Но самое удивительное – это те виды производства, что сумел организовать этот необычный Макс. Лесопилка, мельница, производство стали и чугуна, изготовление цемента. В городе есть школа и, похоже, университет. Даже основы религии заложены, имеется храм, где священники проповедуют смесь трех мировых религий с элементами шаманизма.

Неприятным сюрпризом оказалась и численность населения: только в этом каменном городе их не меньше тысячи. Есть верблюды, используемые для кавалерийских атак, развито животноводство и сельское хозяйство.

Сам Макс оказался русским, этот факт огорчал Картера больше всего. Он хорошо знал своего главного противника по прошлой жизни: русские были упертые, не сдавались даже в безнадежном положении. Небольшим утешением служило то, что в ближайшем окружении Макса есть двое американцев. Мендосе не удалось узнать, каким образом американцы попали в это время, хотя историю Макса знал весь его народ: он спустился с неба. Сопоставив данные с увиденным трехствольным пистолетом, Картер практически был уверен, что Макс космонавт. Этот трехствольный пистолет с усиленным пробивным действием пуль несколько раз демонстрировался на слайде в Лэнгли при изучении специального оружия русских.

Пистолет его не беспокоил, против него у него есть две ав-

томатические винтовки и два своих пистолета, правда патронов осталось мало. Один пистолет, пусть даже и трёхствольный, против двух автоматических винтовок и двух пистолетов ничего не стоил. Его беспокоило другое: как взять под контроль империю этого Макса. Из слов Мендосы следовало, что жен и наследников у Макса много. Может, сыграть на этом, захватив его в плен?

– Значит так, Пабло, первоначальный план захватить корабль и убить противника, меняется. Недостаточно захватить корабль и убить их, так мы не получим империю русских.

– Не русских, а Русов, – поправил Мендоса, – они считают себя Русами.

– Это одно и то же, – отмахнулся Картер. – План теперь состоит в том, чтобы захватить корабль и захватить Макса. Надо заставить его отречься от всего в нашу пользу, и лишь потом, прибрав всю его империю к рукам, убить. За мертвого вождя люди будут мстить, а если он останется у нас в плену, мы сможем диктовать условия.

– Джон, – неуверенно спросил Мендоса, – а мы не можем просто стать с ним друзьями и, пользуясь его помощью, улучшить свою жизнь? Зачем нам война, мы же в другом мире?

– Пабло, – Картер назидательно поднял палец, – никогда мы и русские не будем друзьями, это исключено. Нельзя заставить дружить кошку и собаку. Ты иди к ним, пусть кушают, трахаются с девками, расслабляются. Ночью, когда они

устанут и потеряют бдительность, мы начнем. Эта операция войдет в анналы каменного века.

С тяжелым сердцем уходил Мендоса от Картера: никогда еще в жизни он не чувствовал себя так паршиво. «Как же ты перенес свое предательство, Иуда»? – мысленно задавал он вопрос самому себе, не находя ответа и ощущая себя последним подонком.

Глава 7. Операция «Мулен Руж»

Надо признать, танцевали девушки Урха прекрасно, словно кто-то целенаправленно учил их движениям, провоцирующим мужчин. Может это их природная грация и пластичность, может, будучи самками, они понимали, чего от них хотят зрители. В любом случае, их танец возымел действие: мои воины пускали слюни при виде столь интригующего танца. Мужчины Урха отнеслись к танцу куда сдержаннее, хотя также подбадривали девушек завываниями и криками.

– Макс Са, тебе нравится, как танцуют наши девушки? – задал вопрос Паб, полюбовавшись танцем.

– Танец необычный, но очень красивый, – откровенно признался дикарю. На моем недолгом веку в современном мире успел побывать пару раз на стриптизе. Конечно, танец дикарок не шел ни в какое сравнение, ни по хореографии, ни по самим девушкам. Но, в то же время, с учетом действующих лиц и времени в этом мире, это определенное достижение. В нашем племени женщины тоже танцами дразнили мужчин, но это было, скорее, повторение повадок животных, провокация самца. А здесь мы увидели полноценный стриптиз с оголением.

Закончив танец, девушки лениво прохаживались по поляне, стреляя глазками. Мои воины поочередно бросали взгляды то на меня, то на Бера, молча прося разрешения позна-

комиться с местными красотками ближе.

– Бер, не все вместе, соблюдая осторожность. Мы еще не можем доверять Урха в полной мере.

Получив от меня отмашку, Бер разделил двадцатку воинов на две группы. Счастливики, оказавшиеся в первой группе, незамедлительно устремились к девушкам, в то время как вторая группа несла охрану, находясь в полной готовности.

Солнце медленно уходило за край горизонта, уступая место надвигающейся ночи. В костры на полянах подкинули дров, немного в стороне от группы деревьев, где мы трапезничали, местные возводили довольно большую хижину по типу индейского вигвама.

– Это дом для Макс Са, – пояснил Паб, перехватив мой взгляд на строение. – Там будут новые шкуры, Урха гостеприимное племя.

С хижиной получилось здорово, как мне и хотелось: она была внушительна по размерам и стояла немного в стороне от хижин местных дикарей. Признаюсь, я уже думал вернуться на корабль для ночевки, чем переночевать в местной хижине.

Гостеприимство Урха ничем не ограничивалось: нас покормили еще раз уже при свете костров. В этот раз нас потчевали нежнейшей рыбой, запеченной на углях в глиняной обвалке. Так много я давно не ел, с тоской подумав, что с утра придется искать укромное место, чтобы облегчиться.

Во время ужина еще раз спросил Паба, когда появится главный «сванга». И вновь мне показалось, что Паб смутился. Помешкав секунду, он ответил, что «сванга» придет утром, в настоящее время он находится в соседнем племени.

Ночь выдалась безлунной, потихоньку над селением Урха смолкали разговоры и смех, только в кустах еще слышались звуки, Русы и Урха трудились, улучшая генотип.

– Бер, Герман, мы втроем спокойно поместимся в этой хижине, Бер, не забудь про охрану. Меня клонит в сон, если упущу момент, то до утра буду ворочаться, – тяжело поднявшись на ноги, направился в хижину. Внутри лежало несколько шкур, понюхав, не уловил запах пота, только слабый запах невыделанной кожи.

– Спокойной ночи, ребята, надеюсь, наше чревоугодие не преподнесет нам кишечной инфекции.

– Не хотелось бы, – отозвался Тиландер, устраиваясь в своем углу. Он предпочел бы спать на судне, но не хотелось отправляться в море в такую темень, хотя оба фонаря «Стрелы» четко указывали ее местонахождение. Отдав последние указания воинам, в хижину ввалился Бер, устроившийся на полу у самого входа. Последние звуки снаружи затихли, слышались только крики ночных птиц, да шум прилива.

* * *

Этот вечер Картеру казался длиною в жизнь: не умолкали голоса прибывших и местных, устроивших посиделки у ночного костра. Его пловцы давно собрались у края бух-

ты, где лежали заготовленные бревна, с помощью которых им предстояло добраться до корабля. Еще два десятка самых отчаянных и сильных воинов скрывались в лесной чаще, готовясь напасть на хижину и охранявших ее воинов. Темная безлунная ночь как будто по их заказу делала ночную тьму непроницаемой. Два ярких огонька горели в море, там, где находился корабль, служа ориентиром для «морских котиков». Еще несколько костров горели перед хижинами Урха, костер неприятеля практически догорел, лишь высвечивая размазанные очертания фигур людей.

Кто-то у костра пошевелил угли, и они вспыхнули, осветив несколько фигур, поднявшихся на ноги.

– Уже скоро, – прошептал он Мендосе, тоже наблюдавшему за их лагерем.

– Джон, – напарник предпринял очередную попытку его отговорить, – может, попробуем мирно договориться? Макс – человек разумный и многим поделится в обмен... – Мендоса запнулся.

– Договаривай, – жестко процедил сквозь стиснутые зубы Картер, – в обмен на что? На клятву верности? На присягу быть его рабами? Ты это хотел сказать?

– Нет, в обмен на заверения в дружбе, – Мендоса нашел оптимальный вариант, – он не такой, как остальные русские. Он по характеру похож на нас, он человечный, со своими людьми общается на равных.

– Хватит, – перебил его Картер, – твое счастье, что здесь

нет Федерального Суда США, за такие разговоры ты мог бы сильно поплатиться. Забыл, что с конца Второй Мировой войны мы практически находимся в состоянии войны с Советами? Ты забыл, какой стране и какому ведомству ты давал присягу верности?

– Нет, не забыл, – прошептал Мендоса, понимая, что его слов не хватит отговорить Картера. Проведя три месяца в Макселе, увидев порядки, царившие здесь, он не без труда для себя признал, что Максель цивилизованнее, а Макс справедливый и дальновидный правитель. И сейчас, Макс, которого он успел зауважать, поверивший в него, в Пабло, подвергнется смертельной опасности.

Вопрос сохранения жизни Макса Мендосе удалось выторговать у Картера, преувеличив военные силы и возможности Русов. Даже Картер вынужден был признать, что убийство Макса, как планировалось раньше, не поможет овладеть его империей. Все Урха с учетом соседних племен могли выставить не более шести сотен воинов, в то время как Макс располагал тремя тысячами. Именно эту цифру озвучил Мендоса Картеру, увеличив число воинов Макса в три раза, надеясь, что Картер предпочтет дружбу.

Картер оценил риски, но вместо того, чтобы попытаться мирно сосуществовать, решил взять Макса измором. В своем невиданном великодушии, он даже готов был сохранить жизнь ему и его семье, дав им возможность живыми покинуть эти места в обмен на уступку всех его людей и террито-

рий. Мендоса успел узнать Русов за три месяца проведенных среди них. Напрасно мексиканец пытался объяснить напарнику, что Русы не Урха и не смирятся с тем, что их Великий Дух уйдет.

– Все дикари одинаковые, парочка строптивцев повисит в петле, остальные быстро смирятся, – возразил ему на его аргументы Картер, тщательно прочищая автоматическую винтовку. – А если понадобится, деревьев в лесу хватит, чтобы повесить и сотню. Дикари, они как дети, покажешь силу, сразу пойдут за тобой. Или забыл, как мы этих Урха прибрали к рукам?

Аргументы Картера были убийственны: после их первого контакта с Урха, ранивших Пинчера, несколько выстрелов рассеяли всю толпу. Дрожащие от страха дикари пали ниц и не шевелились, даже когда Картер обхаживал их пинками. Они тогда без проблем подмяли под себя большое племя, за двадцать прожитых среди дикарей лет случилось всего две попытки неповиновения. Про третью, случившуюся в его отсутствие, Мендосе рассказал сам Картер и половина дикарей.

– Думаю, через час можно начинать, – Картер блеснул в темноте белками глаз, – главное синхронность, нужно напасть на хижину твоего Макса и корабль одновременно. Хочу избежать лишних жертв среди моими настоящими и будущими воинами. Дикари просто сменят вожака, они не мотивированы умирать за него, если в их положении ничего не

меняется.

Мендоса хотел возразить, что Русы умрут за Макса, но подумал, что это бесполезная трата времени. Попав в каменный век, его напарник в полной мере проявил свои садистские наклонности, порой заставляя Мендосу сомневаться в адекватности своего поведения и разума.

– Помни, Пабло, что двое его ближайших людей – американцы. Они только обрадуются возможности выйти из подчинения этому русскому. Мы создадим здесь Великую Америку, которая будет простирается на всех континентах. И единственная преграда в этом – Макс. Но мы люди не кровожадные, как только его семья покинет город, дадим им возможность уйти на север, пусть идут в свои исторические снега и болота.

Они просидели около двух часов, ожидая, пока все уснут глубоким сном. Дикари, привыкшие часами ждать свою добычу в засаде, к такому относились философски. Мендоса успел сто раз пожалеть, что корабль вообще появился в бухте, что он согласился разведать все данные и сообщить их Картеру. Через небольшое время часть людей, с которыми он делил пищу и ночлег, погибли. Картер словно почувствовал его душевную борьбу:

– Пабло, ты со мной? Я могу тебе довериться и повернуться спиной?

– Да, – просто ответил Мендоса, понимая, что выбор у него невелик: либо идти с Картером, либо убить его прямо

сейчас. Но смерть Картера означала бы его смерть: Картер был главный «сванга», и дикари это знали. Не успев даже обдумать, его скорее всего убили бы сразу на месте.

– Пора, – Картер бесшумно поднялся на ноги. – Сигнал к атаке, троекратный крик совы. Первый и второй крики – готовность, третий крик с небольшим интервалом – сигнал к атаке. Пловцы подберутся к кораблю и зависнут в воде рядом с ним. Ты, Пабло, иди в лес к нашим «бешенным»: как услышишь крик совы трижды, у тебя около двух минут, прежде чем пловцы заберутся на корабль, и начнется бой. Опоздаешь – их воины успеют вскочить и схватиться за оружие, а это ненужные жертвы. Все, с Богом, – он легонько подтолкнул Мендосу в спину.

Мендоса смотрел, как к воде спускаются «морские котик», о готовности которых ему хвастался Картер, молясь, чтобы у них не получилось захватить корабль. В сопровождении троих воинов он углубился в лес, обходя поселение по дуге. В лесу его ожидала двадцатка отборных воинов, прозванных Картером «бешенные». Бешенные стерегли запретную зону, именно они исполняли функции полиции при необходимости вершили казни или акции устрашения. Еще детьми Картер отбирал их из семей дикарей, заставляя тренироваться. Бешеным разрешалось посещать запретную зону и даже входить в дом «сванга».

При всем своем старании Мендоса не смог увидеть бешенных, пока Умр, командир этой горстки, не тронул его за

плечо.

– Первые два крика совы – подбираемся поближе к хижине и спящим воинам, третий крик совы – сигнал к атаке, – передал инструкции Мендоса.

– Уху, – еле слышно выдохнул командир бешенных, приглашая «сванга» присесть на обрубок дерева. Бесконечно долго тянулось время ожидания, Мендосу начало клонить ко сну, когда резкий крик совы смел всю сонливость. Неслышными тенями выросли вокруг бешенные, Умр молча шагнул вперед.

Началось, – Мендоса, схватив за руку Умра, прошептал:

– Белых не убивать, они тоже «сванга»!

* * *

Обильная трапеза и новое место не давали уснуть: Тиландер уже храпел, уснул даже Бер, моментально проснувшийся, стоило мне только встать.

– Ты куда, Макс Са?

– Не могу уснуть, посижу полчаса на воздухе.

– Я с тобой, – приемный сын вскочил на ноги.

– Я передумал, лучше попытаюсь уснуть, – пришлось лечь на шкуру. Не хотелось лишать сна Бера, он и так практически не высыпается, занимаясь вопросами охраны. В этот раз не заметил, как отключился. Мне снился сон, что я школьник, и мама меня будит, чтобы успел умыться и позавтракать перед школой.

– Еще пять минут, – просил я, натягивая одеяло, чтобы не

слышать ее нежного и ласкового голоса. Но мама разозлилась:

– Вставай Максим, – жестким голосом закричала она, стаскивая с меня одеяло.

Я присел, обливаясь потом: вокруг царила тишина, только чей-то храп нарушал ее. Понимание того, где нахожусь, возвращалось урывками. Где-то недалеко прокричала ночная птица, спустя несколько минут, крик повторился.

– Приснится же такое, – пробормотал себе под нос и осекся, боясь, что разбужу Бера. Тиландера такими словами не разбудить, ему надо кричать в ухо, чтобы американец проснулся. Немного отдышавшись, уже начал ложиться на спину, когда услышал крик проклятой птицы в третий раз. Интуитивно, скорее, спинным мозгом почувствовал опасность.

– Бер, – позвал я сына, мгновенно откликнувшегося.

– Да, Макс Са?

– Опасность, я чувствую опасность. – Едва проговорил последнее слово, как уши уловили знакомый свист, что издает летящая стрела. Снаружи послышался еле слышный звук падающих тел. Выхватив катану наружу рванулся Бер, и ночная тишина взорвалась дикими криками.

– Бер, назад, – я выскочил наружу: в темноте было видно плохо, но человеческие фигуры разобрать можно. Со всех сторон слышались хрипы, стоны и крики. Увидев фигуру Бера, успел его схватить за спину и затащить внутрь: на ули-

це шла мясорубка, и можно запросто попасть под раздачу от своих. Сквозь щели между шкурами увидел, как от крайних хижин Урха несколько факелов устремилось в нашу сторону.

– Мои люди умирают, – змеей извивался в моих руках Бер, пытаясь выскочить наружу.

– Они справятся, а если не справятся, твоя смерть им не поможет, останься рядом со мной! – от моего крика Тиландер проснулся и ошалело спросил:

– Макс, мы где?

– В звезде, – зло ответил ему, высекая огонь. К чести американца, он все понял без слов. Звуки борьбы снаружи стали затихать: вернее, практически уже не слышно звона стали, хотя криков стало больше. Одновременно слышались крики со стороны моря.

– Они напали на «Стрелу», – упавшим голосом констатировал Тиландер.

– Бер, слушай меня, – встряхнул я за плечи обезумевшего командира спецназа, – мы попали в ловушку. На корабль тоже напали, оттуда помощи не дождемся. Думаю, мы нужны живыми, поэтому в хижину никто не рвется. Наша единственная надежда спастись, это ты, Бер!

– Я? – словно очнувшись от сна, переспросил сын.

– Да, – мы им нужны живыми, значит, нас с Германом убивать не будут.

Словно услышав мои слова, снаружи послышался крик, после чего голоса смолкли.

– Макс Са, – послышалось снаружи, – ваши люди убиты, выходите, мы не причиним вам вреда. – Со стороны моря все еще слышался шум, внушая надежду. Но с каждой секундой интенсивность боя снижалась.

– Это Паб, – прошептал Тиландер, – подонок, убью своими руками.

– Паб, чего ты хочешь? – крикнул я в ответ, надеясь выиграть время.

– Бер, слушай мой приказ: мы с Германом выскочим наружу, и я открою стрельбу из пистолета. Успею сделать три выстрела, перезарядится мне не дадут.

– Макс Са, вы будете жить, выходите, я не смогу долго удерживать воинов, – голос Паба звучал как-то жалобно.

– Паб, я должен подумать. И мне надо одеться, не выходить же мне голым.

Пользуясь минуткой, зашептал Беру:

– Как только мы выскочим, ты делаешь дыру в шкурах и уходишь с задней стороны хижины.

– Я не оставлю отца, – вскричал Бер!

– Оставишь! Иначе мы все умрем! Ты должен добраться до Макселя и привести помощь. Если ты не сделаешь этого, умрём мы все. Ты меня понял, Бер?! Это приказ, выполняй приказ, Бер!

– Дай мне умереть с тобой, – взмолился сын!

– Нет, Бер! Я хочу жить, и ты должен жить. Ты выполнишь приказ и освободишь нас.

– А если я не успею, если вас убьют? – слезы моего приемного сына капали мне на руки.

– Если нас убьют, разрешаю тебе мстить до тех пор, пока не насытишься мстостью.

Секунд на десять повисло молчание. Снаружи стали терять терпение, среди нестройного гула враждебных голосов меня дважды вызывал Паб.

– Я выполню приказ, отец! – хрипло выдавил Бер.

– Молодец сынок! Герман, ты готов?

– Да, Макс, зададим этим сукиным детям жару, – американец выхватил клинок из ножен.

– Бер, ты обязательно доберись до Максея, беги, не оборачивайся, не вздумай нас спасать. Ты, готов, сын мой?

– Да, отец, – понурив голову Бер подошел к задней стороне хижины.

– Герман, вперед!

Откинув шкуру, прикрывавшую входа хижину, выскочил наружу и на секунду ослеп от света факелов. Не целясь, произвел три выстрела подряд в толпу дикарей. Сзади меня толкнул Тиландер с клинком наперевес выскакивая из хижины.

– Твою мать, – заорал я, кидаясь на дикарей и отчаянно размахивая катаной. Что-то ударило меня сбоку в голову, сбивая с ног. Потные вонючие тела навалились, не давая вздохнуть. Задыхаясь от смрада тел, услышал, как гулко и оглушительно прозвучал выстрел совсем рядом.

Я же расстрелял все три ствола, кто мог стрелять? – мелькнула последняя мысль, прежде чем потерял сознание.

Глава 8. Гуантанамо

Что-то гулко и размеренно отдавалось в голове, причиняя невероятную боль.

– Кап, кап, кап.

Сделав над собой усилие открыл глаза: первое, что бросилась в глаза — земляная стена. Свет проникал откуда сверху, кряхтя от боли в голове медленно посмотрел наверх. Над головой решетка из связанных между собой стволов молодых деревьев, над головой она примерно в двух метрах. Что это такое, и почему я в этой яме? Сама яма небольшая. Максимум полтора метра в поперечнике.

Память возвращалась нехотя, словно ей было стыдно за меня. Ночь, хижина, звуки боя. Тиландер, Бер — в яме больше никого. Бера я послал за помощью, отвлекая на себя внимание врага. А где Герман? Неужели убит? При мысли, что американец может быть убит, почувствовал, как закипает внутри гнев, заглушая боль в голове.

– Паб, — заорал я, запрокинув голову, — иди сюда, сукин ты сын, подонок, предатель, змея подколотная. — Мои крики остались без ответа, устав кричать, сел, прислонившись к земляной стене.

– Кап-кап-кап, — мерно падают дождевые капли, собираясь на нижней поверхности деревянной решетки. Середина октября, в это время погода в окрестностях Макселя начина-

ла портиться. Судя по свету, проникающему сверху – сейчас день. А меня вырубили ночью, неплохо я побыл в отключке.

Сидя привалившись к стене, задремал: проснулся от шума шагов наверху.

– Эй, – закричал я, – позови Паба.

На мой крик сверху шлепнулся небольшой кусок мяса, самого человека я так и не увидел. Шаги уходящего человека стихли, и снова воцарилась тишина. Так, надо сосредоточиться: то, что я жив, говорит о многом. Кому-то я нужен живой, непременно живой, иначе уже не увидел бы белый, скорее, сумрачно-серый свет.

Пабу? Зачем? Чего он добивается и на что рассчитывает? Он провел среди нас три месяца, видел, насколько организованы мои воины. «Мои воины», – я заскрипел зубами от злости. Со мной было сорок воинов, двадцать из которых оставались на «Стреле». Сорок отличных, проверенных воинов, прошедших со мной не одну битву. Какова вероятность, что кораблю удалось отбиться? В честном бою, я нисколько не сомневался, что на каждого моего воина нужно пять, чтобы уравнивать шансы. Но их захватили врасплох, полдня кормили на убой, показывали стриптиз и ублажали.

Расслабился, я расслабился... Откуда беру знать про такие хитрости? В каменном веке, если ты сел за один костер и разделил пищу, ты не можешь поднять руку на соседа. Эти подлые методы ведения войны появились значительно позже, во времена развитых цивилизаций. Одновременная ата-

ка на хижину и на корабль давала пищу для размышлений. Что это? Задумка, интуиция дикарей или мы настолько поднастаскали Паба, что он стал полководцем с задатками гения? Не зря этот подонок столько ошивался у казарм воинов.

На «Стреле» оставался Лар, почему-то я решил его оставить на корабле, не дав ему сойти на берег. Лар очень ответственно подходил к несению воинской службы, если кто и смог бы организовать отражение атаки, так это он.

Над головой стало темнеть, свет сверху становился тусклее: глухо заурчал живот, напоминая, что я ничего не ел. Но голод можно перетерпеть, пить хотелось значительно сильнее. На дне моей ямы падающие капли мелкого морозящего дождя образовали маленькую лужу размером с тарелку. Вода мутная, но выбирать не приходится. Зачерпнув ладонями, смог сделать два глотка мутной воды отдающей глиной. Есть особо не хотелось, но мне нужны силы. Рано или поздно меня должны поднять наверх, ослабленный я не смогу ничего сделать.

Уже в полутьме нащупал кусок мяса, очищая его от налипшей земли. Прополоскал в небольшой лужице и принялся жевать, стараясь не думать о миллионах бактерий и микроорганизмов в воде и в мясе.

Ночь окончательно вступила в свои права, дождь прекратился, но ни звезд, ни Луны не видно. Иногда порывы ветра доносили отголоски незнакомого языка. Надежда на Лара не оправдалась: сумеи от отразить нападение на корабль и

высадиться на берег, прошелся бы смертельной машиной по всему племени невзирая на опасность. Значит и его застали врасплох, а шум борьбы со стороны моря, был скорее всего агонией убиваемых людей.

Все тело затекло от неудобной позы: встал и попытался размяться. Поперечник ямы позволял сделать всего полтора шага, прежде чем уткнешься в стену. Размахивая руками, разгонял кровь по телу, чтобы согреться. После мелкого морозящего дождя ночь оказалась холоднее, чем обычно. После десяти минут разминки почувствовал, как холод немного отступает. Но стоило остановиться, как неприятное ощущение, словно скользкий червяк, начинает ползти по телу.

Чтобы не думать о холоде, стал считать, сколько дней пройдет, прежде чем Бер приведет помощь. Если приведет, если успел выбраться из вражеского поселения, если не столкнется с хищниками или с другим племенем. Слишком много «если».

У него было около минуты, чтобы, пользуясь суматохой вызванными выстрелами, успеть добежать до леса. Стоп, в что за выстрел я слышал, теряя сознание под навалившимися дикарями? Или это мое больное воображение? Я точно сделал три выстрела, перезарядиться даже не пытался, понимая, что не успею. Выстрел – это мое больное воображение, его просто не могло быть.

Итак, предположим, что Бер благополучно выбрался из поселения и успел скрыться в лесу. Вначале пройду по оп-

тимальному сценарию, что все факторы благоприятствуют беглецу.

Допустим, что он оторвался от погони, дикари не особо жалуют ночные приключения, и вряд ли кто-то будет его долго преследовать в ночном лесу. Что сделает Бер, оторвавшись от погони? Для начала он должен определиться в какую сторону ему идти в Максель. Ночь безлунная, ориентиров нет, значит утром Бер по солнцу сориентируется и пустится в путь. По морю от Макселя до поселения Урха около четырехсот километров. По суше, с учетом, что придется огибать рельеф и труднопроходимые места, расстояние увеличится еще на пятьдесят километров. Это примерно десять дней пути для физически подготовленного спортсмена. Но Бер не просто подготовлен, он один из лучших, и на кону жизнь его отца. Рискну предположить, что сын прыгнет выше головы, делая не менее семидесяти километров в день. Это шесть суток до Макселя, быстрее не сможет даже Бер. Меньше суток на сборы и двое суток на кораблях до наших врагов. «Акула» и «Варяг» смогут взять не менее трех сотен воинов, будет, конечно, тесно и невозможно спать, но воины поплывут двое суток даже стоя, чтобы спасти своего Макс Са. От нахлынувших чувств на минуту я даже забыл, где нахожусь. Это самый оптимальный вариант, при котором помощь подоспеет через восемь-девять дней.

Стоп, я даже хлопнул себя по лбу. Беру нужно добратсья до Максимена, горняцкого поселка расположенного ров-

но на полпути от Максея до племени Урха. Это значит, что на дорогу он потратит трое суток. Если «Варяг» окажется в Максимене, то сутки до Максея и около трех суток обратно с учетом всех сборов. При таком раскладе помощь подоспеет в течении примерно шести дней, что значительно улучшает мои шансы выжить.

Это оптимальный вариант, слишком хороший, чтобы все могло так удачно сложиться. Теперь попробую пессимистичный сценарий, где задача Бера добраться до Марсея значительно усложнится.

Во программе подготовки в Звездном было два теста: пятнадцать километров за два часа и пятьдесят километров за двенадцать часов. Короткий двухчасовой тест можно сдать, если периодически переходить на бег. Идти со скоростью семь с половиной километров в час не удавалось никому, кроме инструкторов. Второй, длинный тест, когда требовалось пройти за двенадцать часов пятьдесят километров, по нормативам скорости казался проще. Но именно его проваливали чаще всего.

Начинали ходьбу довольно хорошо, но спустя три часа скорость с шести километров в час падала до пяти и ниже. Первый получасовой отдых с приемом пищи делали после четырех часов ходьбы. После отдыха скорость немного возрастала и снова падала уже спустя два часа. Второй получасовой отдых по плану стоял спустя восемь часов с начала движения. И именно этот отдых добивал практически всех:

после восьми часов ходьбы в теле накапливалась молочная кислота, а мышцы получали микротравмы. Полный желудок посылал сигнал в мозг, что ему требуется кровь для пищеварения. Мозг, не получая питательных элементов в полном объеме, начинал перераспределять кровь, обескровливая мышцы. Ноги наливались свинцовой тяжестью, каждый шаг давался с усилием.

А последние четыре часа средняя скорость зачастую падала до трех километров в час. Большая часть не сдавших сходила именно на этом отрезке пути. Хотя встречались и такие, что довольно легко могли пройти всю дистанцию, а потом еще шастать по Звездному.

Бер выносливый и крепкий парень в расцвете сил, но есть факторы, на которые невозможно закрыть глаза.

Он не робот, ему надо есть и спать, чтобы двигаться дальше. У него не однодневный переход, после которого можно отлежаться. Он идет не по утоптанной дорожке, а через лесную чащу и острые камни на побережье моря. Ему требуется спать, это минимум шесть часов в сутки, ему придется охотиться, чтобы прокормить себя. Это еще час в сутки. Ему придется огибать препятствия, идти в гору. У него есть риск наткнуться на хищников и на недружелюбное племя. Значит, временами ему придется останавливаться, чтобы провести разведку и определиться с направлением.

Исходя из вышесказанного, реальным является расстояние примерно в тридцать пять-сорок километров в день. На

дворе осень, светлое время суток уменьшается с каждым днем. Идти ночью одному по неизвестному маршруту... даже Бер не сможет все предусмотреть. Другой человек в таких условиях, прошел бы не больше тридцати километров в день. Но речь идет о Бере, поэтому буду считать сорок километров с учетом короткого светового дня.

За шесть-семь дней он может дойти до Максимена и попасть туда в момент, когда «Варяг» уже отплыл в Максель.

Бер не станет ждать возвращения корабля в Максимен, это факт. В горняцком поселке около десятка воинов, оставленных для охраны. Вариант первый: он вернется с ними и рабочими, чтобы попытаться освободить меня, и это будет ошибкой. Воинов слишком мало, и на обратный путь уйдет примерно семь дней. В таком случае, через две недели Бер появится здесь с кучкой людей и положит их зря, пытаясь освободить меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.